

Александр Дюма

Женская война

Александр Дюма

Женская война

«Public Domain»

1849

Дюма А.

Женская война / А. Дюма — «Public Domain», 1849

ISBN 5-699-13685-1

Это увлекательный роман Александра Дюма-отца «Женская война», в котором честолюбивые планы героев, готовых ради их воплощения на отчаянные авантюры, тесно переплетаются с любовными историями и дворцовыми интригами.

ISBN 5-699-13685-1

© Дюма А., 1849
© Public Domain, 1849

Содержание

Часть I	5
I	5
II	10
III	15
IV	27
V	30
VI	34
VII	37
VIII	52
IX	62
X	71
XI	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Дюма-отец

Женская война

Часть I

Нанона де Лартиг

I

Недалеко от Либурна, веселого города на быстрой Дордони, между Фронсаком и Сен-Мишелем, находилось прежде порядочное село; его домики с белыми и красными крышами скрывались под высокими липами и дубами. Дорога из Либурна в Кюбзак шла между домами, симметрично вытянутыми в линию; из них ничего нельзя было видеть, кроме этой дороги. За линией домов, шагах в ста, извивалась река, ширина и быстрота ее в этом месте уже показывали, что море близко.

Но по этим местам пронеслась междоусобная война; она погубила деревья, опустошила дома, которые, подвергаясь ее прихотливому бешенству, не могли бежать вместе с жителями и развалились, протестуя как могли, по-своему, против варварства внутренних раздоров. Мало-помалу земля прикрыла трупы развалившихся домов, где прежде люди веселились и пировали; наконец трава выросла на этой искусственной почве, и в наше время путешественник, проходя по уединенной дороге и видя на неровных холмах многочисленные стада, не думает, что пастух и овцы разгуливают по кладбищу, на котором спит целое селение.

Но в то время, о котором мы говорим, то есть в мае 1650 года, это селение красовалось по обеим сторонам большой дороги и получало от нее свое богатство. Путешественник, проходя по селу, с удовольствием взглянул бы на поселян, запрягавших и отпрягавших лошадей, на рыбаков, вытягивавших на берег сети, в которых билась серебряная и золотая рыба Дордони, и на кузнецов, которые бойко ударяли молотами по наковальням: каждый их удар освещал кузницу блестящими искрами.

Но если бы путь придал аппетит путешественнику, то ему всего более понравился бы дом, низенький и длинный, стоявший в пятистах шагах от села. Дом состоял из двух этажей, подвального и первого; распространявшийся из него запах лучше «Золотого Тельца», изображенного на красной железной вывеске, показывал, что путник достиг наконец одного из тех гостеприимных хозяев, которые за известное вознаграждение готовы подкрепить силы путешественников.

Почему, спросят у меня, гостиница «Золотого Тельца» находилась в пятистах шагах от селения, а не в одной из линий домов, стоявших по обеим сторонам дороги?

Во-первых, хозяин гостиницы был отличнейший мастер своего дела, хотя жил в этом пустынном уголке земли. Если б он занял место посередине или на конце одной из двух линий домов, составлявших селение, его легко могли бы смешать с деревенскими харчевниками, которых он поневоле считал своими товарищами, но не равными себе. Напротив, удаляясь от села, он привлекал на себя внимание знатоков; один раз попробовав его кухню, они говорили друг другу:

– Когда вы поедете из Либурна в Кюбзак или из Кюбзака в Либурн, не забудьте остановиться для завтрака, обеда или ужина в гостинице «Золотого Тельца», в пятистах шагах от селца Матифу.

Знатоки останавливались в гостинице, уезжали довольные, присылали других знатоков; умный трактирщик мало-помалу ковал денежки, что не мешало ему, против принятого обычая, поддерживать гастрономическое достоинство своего заведения. Это доказывало, что господин Бискарро был действительно артист в своем роде, как мы уже и сказали.

В один из прекрасных майских вечеров, когда природа, проснувшись на юге, начинает пробуждаться на севере, густой дым вылетал из труб и приятный запах разливался из окон гостиницы «Золотого Тельца». Бискарро на пороге дома, весь в белом, по обычаю жертвоприносителей всех веков и народов, своими августейшими руками щипал куропаток и перепелов, назначенных для отличного обеда, для одного из тех обедов, которые он готовил так мастерски и отделял в малейших подробностях из любви к своему искусству.

Вечерело. Дордонь, извивавшаяся довольно далеко, белела под густою зеленью деревьев, тишина и меланхолия спускались на деревню вместе с вечерним ветерком, земледельцы покоились возле распряженных лошадей, а рыбаки – у развешенных сетей. Сельский шум затихал, и за последним ударом молота, окончившим трудолюбивый день, раздалась в соседней роще первая песнь соловья.

При первых трелях пернатого певца Бискарро тоже принялся петь; из-за этого музыкального соперничества и из-за внимания, с которым трактирщик доканчивал свою работу, вышло то, что он вовсе не заметил отряда из шести всадников, показавшегося на конце селения Матифу и направлявшегося к его гостинице.

Но восклицание, вылетевшее из окна первого этажа гостиницы в ту минуту, как быстро и шумно закрыли это окно, заставило почтенного трактирщика поднять глаза; он увидел, что предводитель отряда ехал прямо к нему.

То есть не совсем прямо, и мы спешим поправить нашу ошибку. Всадник часто останавливался, пристально смотрел направо и налево и, казалось, рылся взглядом в тропинках, деревьях и кустарниках; он держал на колене мушкетон, приготовляясь и к нападению и к защите, и подавал по временам товарищам своим, во всем ему подражавшим, знак двигаться вперед.

Бискарро так внимательно следил за странною ездою всадника, что забыл оторвать от куропатки перья, которые держал между большим и указательным пальцами.

«Этот вельможа ищет мое заведение, – подумал Бискарро. – Но достойный дворянин, верно, слеп; мой „Золотой Телец“ недавно подновлен, и вывеска довольно заметна. Выступим-ка и мы вперед».

Бискарро вышел на середину дороги и продолжал ощипывать куропатку ловко и величественно.

Движение трактирщика вполне соответствовало его цели; едва всадник заметил его, как прищпорил лошадь, подъехал к нему, учтиво поклонился и сказал:

– Извините, господин Бискарро... Не видали ли вы здесь отряда всадников, моих друзей, которые, вероятно, ищут меня? Они не то что военные люди, а так... Просто вооруженные... Да, вооруженные... Это слово вполне передает мою мысль. Не видали ли вы отряда вооруженных людей?

Бискарро чрезвычайно понравилось, что его называют по имени: он отвечал самым ласковым поклоном. Трактирщик не заметил, что гость, бросив быстрый взгляд на вывеску, прочел на ней имя и звание хозяина гостиницы.

– Милостивый государь, – отвечал Бискарро, подумав, – я видел только двух вооруженных людей, одного дворянина с конюхом, они остановились у меня с час тому назад.

– Ага! – сказал незнакомец, глядя подбородок, на котором не было еще бороды. – Ага! У вас в гостинице остановились дворянин и его конюх? И оба они вооружены?

– Точно так, сударь; прикажете, я доложу ему, что вам угодно переговорить с ним?

– Но это, кажется, не очень прилично, – продолжал незнакомец. – Беспокоить неизвестного человека нехорошо, особенно если он вельможа. Нет, нет, господин Бискарро, лучше опишите мне его или, еще лучше, покажите мне его так, чтобы он не видал меня.

– Трудно показать его, сударь, потому что он, кажется, прячется: он захлопнул окно в ту самую минуту, как вы и ваши товарищи показались на дороге. Гораздо легче описать его: он молод, белокур, тшедушен, ему лет шестнадцать; он, кажется, ничего не может носить, кроме маленькой модной шпажонки, которая висит у него на перевязи.

По лицу незнакомца пробежала тень неприятного воспоминания.

– Хорошо, – сказал он, – понимаю: молодой человек, белокурый, женоподобный, с лакеем неповоротливым, как пиковый валет... Я ищу не его...

– А! Вы не его ищите! – повторил Бискарро.

– Нет.

– В ожидании того вельможи, которого вы ищите и который непременно проедет здесь, потому что нет другой дороги, вы можете войти ко мне и подкрепить силы, это нужно и вам, и вашим товарищам.

– Не нужно... Мне остается поблагодарить вас и спросить, который теперь час.

– Бьет шесть часов на нашей колокольне... Извольте слышать колокол!

– Хорошо. Еще одну услугу, господин Бискарро?

– Все, что вам угодно.

– Скажите, где могу я достать лодку и лодочника?

– Хотите переехать через реку?

– Нет, хочу прокатиться по реке.

– Нет ничего легче; рыбак, который поставляет мне рыбу... Любите ли вы рыбу, сударь? – спросил Бискарро, возвращаясь к своему желанию заставить незнакомца ужинать.

– Ну, рыба плохое кушанье, – отвечал незнакомец, – однако же если она хорошо приготовлена, так я не совсем презираю ее.

– У меня всегда удивительная рыба.

– Поздравляю вас, господин Бискарро, но вернемся к тому, кто поставляет вам ее.

– Извольте. Теперь он кончил работу и, вероятно, отдыхает. Вы отсюда можете видеть его лодку, она привязана там, у ив, недалеко от дуба. А вот здесь его дом. Вы, верно, застанете его за обедом.

– Благодарю, господин Бискарро, – сказал незнакомец, – благодарю. – Он подал знак товарищам, поскакал к роще и постучался в дверь хижины. Жена рыбака отперла дверь.

Согласно с предсказанием Бискарро, рыбак сидел за обедом.

– Бери весла, – сказал ему всадник, – ступай за мною, получишь золотую монету.

Рыбак встал с поспешностью, которая показывала, что хозяин «Золотого Тельца» был не очень щедр.

– Вам угодно спуститься в Вер? – спросил он.

– Нет, отвези меня на середину реки и побудь там со мною несколько минут.

Рыбак изумился, услышав это странное желание; но, имея в виду золотую монету и товарищей незнакомца, он подумал, что в случае сопротивления его принудят силою исполнить это странное желание и он лишится обещанной награды.

Поэтому он поспешил объявить незнакомцу, что весь к его услугам, с лодкой и с веслами.

Тотчас весь отряд отправился к реке, незнакомец спустился на самый берег, а товарищи его остановились на возвышении и расположились так, что могли смотреть во все стороны: они чего-то опасались. С возвышения они могли видеть равнину, которая расстилалась за ними, и прикрывать высадку, которая производилась перед их глазами.

Незнакомец, высокий молодой человек, белокурый, сильный, хотя и худой, с умным лицом, хотя темный круг обвивал его голубые глаза и самый грубый цинизм выражался в его

улыбке, – незнакомец, говорим мы, тщательно осмотрел свои пистолеты, повесил на плечо мушкетон, попробовал длинную шпагу и уставил глаза на противоположный берег, огромный луг, на котором тянулась тропинка, от берега прямо до селения Изон: черная колокольня и беловатый дым из домов Изона виднелись при золотистых лучах заходившего солнца.

На другой стороне, не далее четверти мили, поднимался небольшой форт Вер.

– Что же? – спросил незнакомец, начинавший сердиться от нетерпения, у товарищей, которые стояли на карауле. – Едет ли он? Видите ли вы его где-нибудь направо или налево, спереди или сзади?

– Кажется, – сказал один из всадников, – я вижу отряд на Изонской дороге; но я в этом не уверен: солнце мешает мне смотреть. Позвольте... Да, точно... Один, два, три, четыре, пять человек. Впереди синий плащ, и он в шляпе с галунами. Его-то именно мы и ждем; он для большей верности взял конвой.

– И имел полное право на это, – хладнокровно отвечал незнакомец. – Возьми мою лошадь, Фергюзон.

Тот, кому было дано это приказание полуласковым, полуповелительным голосом, поспешно повиновался и спустился к самой реке; между тем незнакомец сошел с лошади, бросил поводья товарищу и приготовился сесть в лодку.

– Послушайте, Ковиньяк, – сказал Фергюзон, положив руку на его плечо, – не нужно здесь бесполезной отваги! Если вы увидите малейшее подозрительное движение, тотчас влепите пулю в лоб приятелю. Видите, хитрец привел с собою целый отряд.

– Да, но не больше нашего. Кроме преимущества храбрости, на нашей стороне и превосходство силы: стало быть, нечего бояться. Ага! Вот показываются их головы.

– Но что они будут делать? – спросил Фергюзон. – Они нигде не найдут лодки... Ах, нет! Вот там стоит лодка.

– Она принадлежит моему двоюродному брату, изонскому перевозчику, – сказал рыбак.

Все эти приготовления сильно заинтересовали рыбака: он боялся только, чтобы не завязалось морское сражение на его лодке и на лодке его двоюродного брата.

– Хорошо, вот синий плащ садится в лодку, – сказал Фергюзон, – садится один... Bravo! Именно так было сказано в условии.

– Так не заставим его ждать, – прибавил незнакомец.

Он соскочил в лодку и подал рыбаку знак.

– Смотрите, Ролан, будьте осторожны, – продолжал Фергюзон, – река широка, не подходите к тому берегу, чтобы в вас не направили залпа выстрелов, на которые мы не можем отвечать отсюда; держитесь, если можно, поближе к нашей стороне.

Тот, кого Фергюзон называл то Ковиньяком, то Роланом, то есть по имени его и по фамилии, кивнул головой в знак согласия.

– Не бойся, – сказал он, – я и сам об этом думал: неосторожны могут быть те, которые ничем не рискуют, но дело наше так хорошо, что я не решусь глупо потерять его. Если кто-нибудь поступит неосторожно в этом случае, так уж, верно, не я. Ну, лодочник, пошел!

Рыбак отвязал веревку, уставил длинный багор на траву, и лодка начала удаляться от берега в ту самую минуту, как на противоположной стороне отчаливала лодка изонского перевозчика.

Посередине реки находился маяк с белым флагом, он показывал судам, спускавшимся до Дордони, что в этом месте есть опасные подводные камни. Во время мелководья даже можно было видеть сквозь воду черные и гладкие верхушки этих камней, но теперь, при полной воде, только флаг и плеск воды показывали, что это место опасно.

Оба лодочника, вероятно, поняли, что на этом месте могут встретиться незнакомцы, и подъехали к нему. Прежде причалил изонский перевозчик и по приказанию своего пассажира привязал лодку к кольцу маяка.

В эту минуту другой рыбак повернулся к своему путешественнику и хотел просить его приказаний, но чрезвычайно удивился, увидев в лодке своей замаскированного человека, закутанного в плащ.

Страх рыбака усилился, с трепетом просил он приказаний у странного своего пассажира.

– Причаливай сюда, – отвечал Ковиньяк, указывая на флаг, – как можно ближе к той лодке.

И рука его с флага указала на господина, привезенного изонским перевозчиком.

Лодочник повиновался, и обе лодки, соединенные сильным течением реки, дали возможность незнакомцам открыть следующие переговоры.

II

– Как! Вы замаскированы, милостивый государь? – спросил с удивлением и досадой новый гость, толстяк лет пятидесяти пяти, с глазами строгими и неподвижными, какие бывают у хищных птиц, с седыми усами и бородкою. Он не надел маски, но прятал, сколько мог, волосы и лицо под широкой шляпой с галунами, а стан и платье свое под широким синим плащом.

Ковиньяк, попристальнее всмотревшись в этого человека, не мог скрыть удивления и невольно изменил себе быстрым движением.

– Что с вами? – спросил синий плащ.

– Так, ничего... Я чуть-чуть не потерял равновесия. Но, кажется, вы изволили предложить мне вопрос? Что угодно вам знать?

– Я спрашивал, зачем вы надели маску.

– Вопрос откровенен, – сказал Ковиньяк, – и я отвечу на него так же откровенно. Я надел маску, чтобы вы не могли видеть моего лица.

– Так я вас знаю?

– Не думаю; но если вы увидите мое лицо, то можете узнать его впоследствии, что, по моему мнению, совершенно бесполезно.

– Вы очень откровенны!

– Да, когда моя откровенность не может повредить мне.

– И откровенность ваша открывает даже чужие тайны?

– Да, когда подобные открытия могут доставить мне выгоду.

– Станным ремеслом занимаетесь вы!

– Делаешь, что можешь, милостивый государь. Я был адвокатом, лекарем, солдатом и партизаном; видите, что я все перепробовал.

– А что вы теперь?

– Ваш покорнейший слуга, – отвечал юноша, кланяясь с натянутым уважением.

– У вас ли известное письмо?

– У вас ли обещанный бланк?

– Вот он.

– Извольте, обменяемся.

– Позвольте еще минуту, милостивый государь, – сказал синий плащ. – Ваш разговор нравится мне, и я не хочу терять удовольствия беседовать с вами.

– Помилуйте! И разговор мой, и сам я, оба мы – ваши. Будем говорить, если вам приятно.

– Не угодно ли перейти в мою лодку или я перейду в вашу? Таким образом, в другую лодку мы высадим лодочников и прикажем им удалиться.

– Это бесполезно. Вы, верно, знаете какой-нибудь иностранный язык?

– Говорю по-испански.

– И я тоже. Будем говорить по-испански, если вам угодно.

– Извольте!

Синий плащ спросил по-испански:

– Какая причина заставила вас открыть герцогу д'Эпернону, что ему изменяет известная дама?

– Я хотел оказать услугу достойному вельможе и попасть к нему в милость.

– Вы сердиты на госпожу Лартиг?

– Я сердит! Напротив, я должен сознаться, что многим обязан ей и был бы в отчаянии, если б с нею случилось несчастье.

– Так вы враг барону Канюлю?

– Я никогда не видал его и знаю его только понаслышке. И признаюсь, я всегда слышал, что он славный малый и храбрый вельможа.

– Так вы действуете не по ненависти?

– Помилуйте! Если б я сердился на барона Каноля, то пригласил бы его стреляться или резаться, а он такой добрый малый, что никогда не отказывается от подобных предложений.

– Значит, я должен верить той причине, которую вы мне сказали?

– По моему мнению, лучше вы ничего не можете сделать.

– Хорошо! У вас письмо, которым доказывается неверность госпожи Лартиг?

– Вот оно. Позвольте без упрека заметить, что я показываю его вам во второй раз.

Старый дворянин издали бросил печальный взгляд на тонкую бумагу, сквозь которую можно было видеть черные буквы.

Юноша медленно развернул письмо.

– Вы узнаете почерк?

– Да.

– Так пожалуйста мне бланк, я отдам письмо.

– Сейчас. Еще один вопрос.

– Говорите.

Юноша спокойно сложил письмо и положил в карман.

– Как вы достали эту записку?

– Извольте, скажу.

– Я слушаю.

– Вы, вероятно, знаете, что расточительное управление герцога д'Эпернона наделало ему много хлопот в Гиенне!

– Знаю. Дальше.

– Вы также знаете, что страшно скаредное управление кардинала Мазарини наделало ему много хлопот в столице, в Париже!

– Но какое нам дело до кардинала Мазарини и до герцога д'Эпернона?

– Погодите. Из этих противоположных управлений вышло что-то, очень похожее на общую войну, в которой каждый принимает участие. Теперь Мазарини воюет за королеву, герцог д'Эпернон за короля, коадьютор за Бофора, Бофор за госпожу Монбазон, Ларошфуко за герцогиню де Лонгвиль, герцог Орлеанский за девицу Сойон, парламент за народ, наконец, принца Конде, воевавшего за Францию, посадили в тюрьму. А я ничего не выиграл бы, если б сражался за королеву, короля, коадьютора, Бофора, или за госпожу Монбазон, Лонгвиль и Сойон, или за народ и за Францию, поэтому мне пришло в голову не примыкать ни к одной из этих партий, а следовать за той, к которой почувствую минутное влечение. Стало быть, моя задача все делать к стати. Что скажете вы об этой моей идее?

– Она замысловата.

– Поэтому я собрал армию. Извольте взглянуть, она стоит на берегах Дордони.

– Пять человек!.. Не худо!

– У меня одним человеком больше, чем у вас, стало быть, вам неприлично презирать мою армию.

– Уж очень плохо одета она, – сказал синий плащ, бывший в дурном расположении духа и потому готовый все бранить.

– Правда, – продолжал юноша, – они очень похожи на товарищей Фальстафа... Фальстаф, английский джентльмен, мой приятель... Но сегодня вечером я одену их в новое платье, и если вы встретите их завтра, то увидите, что они действительно красавцы.

– Мне нет дела до ваших людей, вернемся к вам.

– Извольте. Ведя войну собственно для себя, мы встретили сборщика податей, который переезжал из села в село для наполнения кошелька его королевского величества; пока ему

следовало еще собирать деньги, мы верно охраняли его; и признаюсь, видя его толстейший кошель, я хотел пристать к партии короля. Но события чертовски запутали дело: общая ненависть к кардиналу Мазарини, жалобы со всех сторон на герцога д'Эпернона заставили нас одуматься. Мы подумали, что много, очень много хорошего в партии принцев, и прилепились к ней всей душой. Сборщик кончал поручение, ему данное, в этом маленьком уединенном домике, который вы видите вон там между тополями и дубами.

– В доме Наноны! – прошептал синий плащ. – Да, вижу.

– Мы дождались его выхода, пошли за ним, как в первые пять дней, переправились вместе с ним через Дордонь недалеко от Сен-Мишели, и когда мы выехали на середину реки, я сообщил о перемене наших политических мнений и просил его, с возможной учтивостью, отдать нам собранные им деньги. Поверите ли, милостивый государь, он отказал нам. Товарищи мои принялись обыскивать его, он кричал, как сумасшедший. Помощник мой, человек чрезвычайно находчивый, – вот он там, в красном плаще, держит мою лошадь, – заметил, что вода, не пропуская воздуха, не пропускает также и звуков. Эту физическую аксиому я понял, потому что я медик, и похвалил ее. Тогда тот, кто подал нам благой совет, опустил голову сборщика в воду не более как на один фут. Действительно, сборщик перестал кричать, или, лучше сказать, мы уже не слышали его криков. Мы могли именем принцев взять у него все деньги и всю его переписку. Я отдал деньги моим солдатам, которые, как вы справедливо заметили, крайне нуждались в новых мундирах, а себе оставил письма, между прочими и это. Кажется, почтенный сборщик служил любовным посланцем у госпожи Лартиг.

– Правда, – прошептал синий плащ, – если не ошибаюсь, он был предан Наноне. А что же случилось с подлецом?

– Вы увидите, что мы прекрасно сделали, погрузив его в воду, этого подлеца, как вы его называете. Иначе он поднял бы на нас весь мир. Представьте себе, когда мы вытащили его из реки, он уже умер от злости, хотя лежал в воде не более четверти часа.

– И вы опять опустили его туда же?

– Именно так.

– Но если вы его утопили, то...

– Я не говорил, что мы его утопили.

– Не станем спорить о словах... Если посол умер...

– Это другое дело: он точно умер...

– Значит, Каноль ничего не знает и, само собою разумеется, не придет на свидание.

– Позвольте, я веду войну с державами, а не с частными людьми. Каноль получил копию записки, которая к нему следовала. Я только подумал, что автограф может иметь цену, и потому приберег его.

– Что подумает он, когда увидит незнакомую руку?

– Что особа, приглашающая его на свидание, для предосторожности поручила кому-нибудь другому написать эту записку.

Незнакомец с удивлением взглянул на Ковиньяка. Он удивлялся его бесстыдству и находчивости.

Он пытался напугать бесстрашного рыцаря:

– Стало быть, вы никогда не думаете о местном правительстве, о следствии?

– О следствии? – повторил юноша с хохотом. – О! Герцогу д'Эпернону некогда заниматься следствиями, притом я уже сказал вам, что сделал все это с намерением угодить ему. Он был бы очень неблагодарен, если бы вздумал идти против меня.

– Тут не все для меня ясно, – сказал синий плащ с иронией. – Как! Вы сами сознаетесь, что перешли на сторону принцев, а вам пришла в голову странная мысль угождать герцогу д'Эпернону.

– Это, однако ж, очень просто: бумаги, захваченные мною у сборщика податей, показали мне всю чистоту намерений королевской партии, король совершенно оправдан в глазах моих, и герцог д'Эпернон тысячу раз правее всех своих подчиненных. На стороне королевской партии справедливость. Я тотчас перешел на правую сторону.

– Вот разбойник! Я велю повесить его, если он попадется в мои руки! – прошептал старик, крутя седые усы.

– Что вы говорите? – спросил Ковиньяк, мигая под маскою.

– Ничего... Еще один вопрос. Что вы сделаете из бланка, который требуете?

– Я и сам еще не знаю. Я прошу бланк потому, что это вещь самая удобная, самая поместительная, самая эластичная; может быть, сберегу его для важнейшего случая; может быть, истрачу его для какой-нибудь прихоти. Может быть, я сам представлю вам его в конце этой недели. Может быть, он дойдет до вас через три или четыре месяца с дюжиною передаточных надписей, как вексель, пущенный в оборот. Во всяком случае, будьте спокойны, я не употреблю его на дела, от которых мы, вы или я, могли бы покраснеть. Ведь я все-таки дворянин.

– Вы дворянин?

– Да, сударь, и даже из старинных.

– Так я велю колесовать его, – прошептал синий плащ, – вот к чему послужит его бланк.

– Что же? Угодно ли вам дать мне бланк? – спросил Ковиньяк.

– Надобно дать.

– Я вас не принуждаю, извольте понять хорошенько. Я только предлагаю вам обмен. Оставьте, если угодно, вашу бумагу у себя, так я не отдам вам письма.

– Где письмо?

– А где же бланк?

Одною рукою он подал письмо, а другою взвел курок у пистолета.

– Оставьте пистолет, – сказал незнакомец, раскрывая плащ, – видите, у меня тоже пистолеты наготове. Будем вести дело начистоту: вот бланк.

– Вот вам письмо.

Они честно поменялись бумагами. Молча и внимательно каждый рассмотрел полученный документ.

– Куда вы теперь поедете? – спросил Ковиньяк.

– Мне нужно на правый берег.

– А мне на левый, – отвечал Ковиньяк.

– Как же нам быть? Мои люди на том берегу, куда вы едете, а ваши на том, куда я отправляюсь.

– Что ж? Дело очень просто: пришлите мне моих людей в вашей лодке, а я пришлю вам ваших людей в моей.

– У вас быстрый и изобретательный ум.

– Я родился полководцем, – сказал Ковиньяк.

– Вы уже полководец.

– Да, правда, я и забыл о своей армии.

Незнакомец приказал изонскому перевозчику направляться к противоположному берегу, к рошице, которая тянулась до самой дороги.

Ковиньяк, ждавший, может быть, измены, приподнялся и следил за стариком глазами, держа пистолет в руке и готовясь выстрелить при малейшем подозрительном движении синего плаща. Но старик не удостоил даже заметить эту недоверчивость, с настоящею или притворною беспечностью повернулся к юноше спиною, начал читать письмо и скоро совершенно предался чтению.

– Не забудьте часа свидания! – закричал Ковиньяк. – Сегодня вечером, в восемь часов.

Незнакомец не отвечал, казалось, даже не слышал слов Ковиньяка.

– Ах, – сказал Ковиньяк вполголоса, поглаживая дуло пистолета, – если бы я хотел, то мог бы освободить наследство Гиеннского Губернатора и прекратить междоусобную войну! Но если герцог д’Эпернон погибнет, к чему послужит мне его бланк? Если прекратятся междоусобицы, чем стану я жить? Ах! Иногда мне кажется, что я схожу с ума! Да здравствует герцог д’Эпернон и междоусобная война! Ну, лодочник, за весла и гребки хорошенько: не надобно заставлять вельможу ждать его свиты.

Через минуту Ковиньяк пристал к левому берегу Дордони, в то время как синий плащ отправлял Фергюзона и его товарищей в лодке изонского перевозчика. Ковиньяк не хотел показаться неаккуратным и приказал своему лодочнику перевезти свиту незнакомца на правый берег. Оба отряда встретились на середине реки и учтиво обменялись поклонами, потом приехали к тем пунктам, где их ждали. Тут синий плащ отправился в рощу, которая тянулась от берега к большой дороге, а Ковиньяк, предводительствуя своему отряду, поехал к Изону.

III

Через полчаса после этой сцены то же окно гостиницы, которое прежде захлопнулось так шумно, осторожно отворилось. Из него выглянул молодой человек, посмотрел направо и налево. Ему было лет шестнадцать или восемнадцать, он был одет в черное платье с широкими манжетками по тогдашней моде. Его маленькая и пухленькая рука нетерпеливо сжимала замшевые перчатки, шитые по швам, светло-серая шляпа с длинным голубым пером прикрывала его длинные золотистые волосы, красиво обвивавшие овальное лицо, чрезвычайно белое, с розовыми губками и черными бровями. Но вся эта прелесть, по которой юношу можно было считать первым красавцем, теперь исчезла под тенью дурного расположения духа. Оно происходило, вероятно, от бесполезного ожидания, потому что юноша жадными глазами осматривал дорогу, уже покрывавшуюся вечерним сумраком.

От нетерпения он бил перчатками по левой руке. Услышав этот шум, Бискарро, все еще щипавший куропаток, поднял голову, снял фуражку и спросил:

– В котором часу угодно вам ужинать? Все готово, жду только вашего приказания.

– Вы знаете, что я один не стану ужинать и жду товарища. Когда увидите его, можете подавать кушанье.

– Ах, милостивый государь, – сказал Бискарро, – не хочу порицать вашего товарища, он может приехать и не приехать, как ему угодно, но все-таки заставляя ждать себя – предурная привычка.

– Но у него нет этой привычки, и я удивляюсь, что он так долго не едет.

– А я более нежели удивляюсь, я огорчаюсь его промедлением: жаркое пережарится.

– Так снимите его с вертела.

– Тогда оно остынет.

– Изжарьте новую куропатку.

– Она не дожарится.

– В таком случае, друг мой, делайте, что вам угодно, – сказал молодой человек, невольно улыбаясь при виде отчаяния трактирщика. – Предоставляю решение вопроса вашей опытности и мудрости.

– Никакая мудрость в свете, – ответил трактирщик, – не может придать вкуса подогретому обеду.

Высказав эту великую и неоспоримую истину, которую лет двадцать спустя Буало переложил в стихи, Бискарро вошел в дом, печально покачивая головою.

И молодой человек, стараясь обмануть свое нетерпение, начал ходить по комнате, но, услышав вдалеке топот лошадей, живо подбежал к окну.

– Наконец, вот он! – закричал юноша.

Действительно, за рощицей, где пел соловей, которого вовсе не слушал юноша, занятый своими мыслями, показалась голова всадника, но, к величайшему удивлению молодого человека, всадник не выехал на большую дорогу, а поворотил направо, въехал в рощу, и скоро шляпа его исчезла. Это показывало, что он сошел с лошади. Через минуту наблюдатель заметил сквозь ветви, осторожно раздвинутые, серый кафтан и отблеск лучей заходящего солнца на дуле ружья.

Юноша стоял у окна в раздумье. Всадник, спрятавшийся в роще, очевидно, не его товарищ; нетерпение, выразившееся на лице его, заменилось любопытством.

Скоро другая шляпа показалась на повороте дороги. Молодой человек спрятался за окно.

Второй гость, тоже в сером кафтане и с мушкетом, сказал первому несколько слов, которых не мог расслышать наш юноша. Получив какие-то сведения, он поехал в рощу, на другую сторону дороги, спрятался за утес и ждал.

С высоты, из окна, юноша мог видеть шляпу через утес. Возле шляпы блистала светлая точка: то был конец дула мушкета.

Неопределенное чувство страха овладело юношей, он смотрел на эту сцену, стараясь все более и более спрятаться.

– Ах, – сказал он, – уж не против ли меня и моих тысячи луидоров составился этот заговор? Нет! Не может быть! Если Ришон приедет и мне можно будет отправиться в дорогу сегодня вечером, то я поеду в Либурн, а не в Кюбзак и, стало быть, не в ту сторону, где прячутся эти люди. Если бы здесь был мой старый и верный Помпей, он мог бы дать мне совет. Но вот еще два человека, они едут к двум первым. Ой! Да это настоящая засада!

Юноша еще отодвинулся на шаг от окна.

Действительно, в эту минуту на дороге показались еще два всадника, на этот раз только один из них был в сером кафтане. Другой ехал на богатом черном коне, завернувшись в плащ, в шляпе, обшитой галуном и украшенной белым пером. Из-под плаща его, развеваемого вечерним ветром, блестело богатое шитье на камзоле.

Солнце как будто нарочно не заходило и освещало эту сцену. Лучи его, вырвавшись из черных туч, вдруг осветили окна домика, стоявшего шагах в ста от реки. Без этого юноша не заметил бы его, потому что домик был прикрыт густыми ветвями деревьев. Усиление света показало, что взгляды шпионов постоянно обращались или ко въезду в селение, или к домику с блестящими стеклами. Серые кафтаны оказывали особенное уважение белому перу и, разговаривая с ним, снимали шляпы. Одно из освещенных окон растворилось, показалась дама, выглянула, как бы сама ожидала кого-то, и тотчас исчезла, боясь, чтобы ее не заметили.

Когда она скрылась, солнце опустилось за гору, и нижний этаж гостиницы погрузился в темноту.

Для умного человека во всей этой сцене было много указаний, а на этих указаниях можно было построить много догадок, весьма вероятных.

Вероятно, что эти вооруженные люди присматривают за домиком, в котором показывалась дама. Еще вероятнее, что дама и эти люди ждут одного и того же человека, но с разными намерениями. Также вероятно, что ожидаемый гость должен проехать через село и, стало быть, мимо гостиницы, которая стоит на самой дороге. Наконец, вероятно, что человек с белым пером – начальник серых кафтанов. По усердию, с которым он приподнимался на стремянах, можно было догадаться, что он ревнив и сторожит добычу собственно для себя.

В ту минуту, как наш юноша думал об этом, дверь отворилась и вошел Бискаарро.

– Любезный хозяин, – сказал юноша, не дав времени трактирщику выговорить слова, – пожалуйста сюда и скажите мне, если только можете отвечать на вопрос: кому принадлежит домик, который белеет там, между тополями?

Трактирщик посмотрел по направлению указательного пальца юноши и почесал затылок.

– Эх, он принадлежит то одному, то другому, – сказал он с улыбкою, стараясь придать ей как можно больше выразительности. – Он может принадлежать даже вам, если вы ищите уединения по какой-нибудь причине, если захотите спрятаться там сами или если просто захотите спрятать там кого-нибудь.

Юноша покраснел.

– Но теперь, – спросил он, – кто живет там?

– Молодая дама. Она называется вдовою, но тень ее первого мужа, а иногда тень второго мужа приходит навещать ее. Только надобно сообщить вам одно замечание: должно быть, обе тени сговариваются о днях посещения, потому что никогда не сталкиваются.

– А давно ли, – спросил юноша с улыбкой, – прелестная вдова живет в домике, в котором могут являться привидения?

– Да уж два месяца. Впрочем, она живет очень скромно, и никто в продолжение этих двух месяцев не может похвастать, что видел ее: она выходит очень редко, а когда выходит,

так закрывается вуалем. Хорошенькая горничная – да, прехорошенькая – приходит ко мне всякий день и заказывает обед. Кушанье относят к ним, она принимает его в передней, платит щедро и тотчас запирает дверь за мальчиком. Вот и сегодня там пир, и для нее приготавливал я куропадок и перепелок, которые щипал... Вы изволите видеть?

– А кого угощает она ужином?

– Которую-нибудь из тех двух теней, о которых я вам говорил.

– А видали вы их?

– Да, но мимоходом, вечером после солнечного заката или утром до рассвета.

– Однако ж я уверен, что вы заметили их, господин Бискаarro, потому что из ваших слов видно, что вы тонкий наблюдатель. Скажите, заметили вы что-нибудь особенное в этих двух тенях?

– Одна принадлежит человеку лет шестидесяти или шестидесяти пяти; мне кажется, это тень первого мужа, потому что она приходит как тень, уверенная в законности прав своих. Другая – тень молодого человека лет двадцати шести или двадцати восьми; она, надобно признаться, гораздо робче и похожа на страждущую душу. Поэтому я готов поклясться, что это тень второго мужа.

– А в котором часу приказано прислать сегодня ужин?

– В восемь.

– Теперь половина восьмого, – сказал юноша, вынимая из кармана часы, на которые он смотрел уже несколько раз, – и вам никак нельзя терять времени.

– О! Ужин непременно успеет, не беспокойтесь. Я пришел только поговорить с вами о вашем ужине и доложить вам, что я начал готовить его снова. Потрудитесь постараться, чтобы ваш товарищ, который так опоздал, приехал через час.

– Послушайте, любезный хозяин, – сказал юноша с видом важного человека, вовсе не заботящегося о еде, – не заботьтесь об ужине, если даже гость мой приедет, потому что мне нужно переговорить с ним. Если ужин не будет готов, мы переговорим перед ужином, если же, напротив, он будет готов, мы потолкуем после.

– Ах, милостивый государь, – отвечал трактирщик, – вы самый сговорчивый вельможа, и если вам угодно положиться на меня, вы будете совершенно довольны.

При этом Бискаarro пренизко поклонился и вышел. Юноша кивнул ему головою.

«Теперь, – подумал юноша, становясь опять к окну, – я все понимаю. Дама ждет гостя, который должен приехать из Либурна, а вооруженные люди хотят встретить его прежде, чем он успеет постучаться в двери».

В эту минуту, как бы для оправдания догадливости нашего умного наблюдателя, конский топот раздался налево от гостиницы. Быстро, как молния, глаза юноши оборотились на рошу, к вооруженным серым кафтанам. Хотя сумерки мешали видеть хорошо, однако же ему показалось, что одни из этих людей осторожно отводили ветви деревьев, а другие приподнимались и смотрели из-за утесов. И те и другие готовились к движению, очень похожему на нападение. В то же время отрывистый стук, похожий на взвод курка, три раза послышался юноше и заставил его вздрогнуть. Тут он повернулся к Либурну и старался увидеть того, кому грозил этот убийственный стук. Он увидел на красивой лошади красивого молодого человека, который ехал беспечно, с торжествующим видом, упершись рукою на колено. С правого его плеча грациозно спускался маленький плащ, подбитый белым атласом. Издалека молодой человек казался ловким, полным счастья и радостной гордости. Вблизи наш юноша увидел тонкое лицо с ярким румянцем, огненными глазами, с полуоткрытым ртом от привычки улыбаться, с черными и красивыми усами, с тоненькими и белыми зубами. Вообще всадник казался отменнейшим франтом тогдашнего времени.

Шагах в пятидесяти сзади ехал лакей и управлял лошадей, соображаясь с движениями своего хозяина. Лакей, важный и великолепный, который, казалось, занимает между лакеями такое же почетное место, какое господин его – между господами.

Красивый юноша, смотревший из окна гостиницы, не мог по молодости лет хладнокровно смотреть на приготовлявшуюся сцену и невольно вздрогнул, подумав, что оба франта, подъезжавшие к гостинице с такою беспечностью и самоуверенностью, будут, вероятно, расстреляны, когда доедут до засады, приготовленной против них.

В юноше началась сильная борьба между его детской застенчивостью и любовью к ближнему. Наконец великодушное чувство одержало победу. Когда всадник проезжал мимо гостиницы, не удостоив даже взглянуть на нее, юноша покорился внезапному увлечению, выглянул в окно и сказал прекрасному путешественнику:

– Милостивый государь! Остановитесь! Я должен сообщить вам весьма важное известие.

Услышав голос и слова эти, всадник поднял голову, увидел юношу в окне и остановил лошадь так мастерски, как сделал бы только отличный берейтор.

– Не останавливайте лошади, милостивый государь, – продолжал юноша. – Напротив, подъезжайте ко мне, как к старому знакомому, как можно спокойнее.

Сначала путешественник не решался, но, рассмотрев юношу и видя в нем молодого и ловкого, красивого дворянина, он снял шляпу и подъехал к нему с приветливою улыбкой.

– Что вам угодно? – спросил он. – Готов служить вам.

– Подъезжайте еще ближе, милостивый государь, – отвечал юноша из окна. – Нельзя громко сказать того, что я должен сообщить вам. Наденьте шляпу: пусть думают, что мы давно знакомы и что вы приехали в гостиницу для свидания со мною – это необходимо.

– Но, милостивый государь, – возразил путешественник, – я ничего не понимаю.

– Вы сейчас все поймете. Теперь только наденьте шляпу. Хорошо! Подъезжайте еще ближе, подайте мне руку... Очень рад видеть вас!.. Теперь извольте остановиться в гостинице, или вы погибли.

– Что такое? Право, вы пугаете меня, – сказал путешественник с улыбкой.

– Слушайте. Вы едете в этот домик, где блестит огонек?

Всадник вздрогнул.

– На дороге к этому домику, там, в роще, сидят четыре человека и ждут вас.

– Ого! – пробормотал путешественник, поглядывая на бледного юношу. – И вы уверены в этом?

– Я видел, как они приехали один за другим, как сходили с лошадей, как прятались – иные за деревья, другие за утесы. Наконец, в ту самую минуту, когда вы появились на дороге, я слышал, как они зарядили мушкеты.

– Хорошо! – сказал путешественник, начинавший беспокоиться в свою очередь.

– Да, милостивый государь, все это сущая правда, – продолжал юноша в серой шляпе, – если б было посветлее, вы, может быть, могли бы видеть и узнать их.

– О! Мне даже не нужно видеть их, – отвечал всадник. – Я очень хорошо знаю, что это за люди. Но вам, милостивый государь, вам кто сказал, что я еду в этот домик, что меня стерегут на дороге?

– Я угадал...

– Вы премилый Эдип. Благодарю от всей души. Так меня хотят расстрелять? А сколько их?

– Четверо, в том числе и их начальник.

– Начальник постарше всех, не так ли?

– Да, насколько я мог видеть отсюда.

– Сутуловат?

– Да, немножко, с белым пером, в шитом камзоле, в темном плаще...

– Точно так. Это герцог д’Эпернон.

– Герцог д’Эпернон! – повторил юноша.

– Ах! Вот я и начал рассказывать вам мои тайны! – сказал всадник с улыбкой. – Это случается только со мною, но все равно, вы оказали мне такую важную услугу, что я не могу скрываться от вас. А товарищи его как одеты?

– В серых кафтанах.

– Именно так. Это его оруженосцы.

– Которые сегодня именно носят оружие.

– Мне в честь. Покорно благодарю. Теперь знаете ли, что вы должны бы сделать?

– Не знаю, но скажите ваше мнение, – отвечал юноша, – и если могу быть вам полезным, так готов делать все, что вам угодно.

– У вас есть оружие?

– Да... шпага.

– Есть и лакей?

– Разумеется, но он уехал. Я послал его встречать гостя, которого жду.

– Ну, вы должны помочь мне...

– Каким образом?

– Помочь мне напасть на этих мерзавцев и заставить их просить пощады, их и их начальника.

– Вы с ума сошли! – закричал юноша голосом, который показывал, что он нимало не расположен принимать участие в таком деле.

– Ах, извините меня, – сказал путешественник, – совсем забыл, что это дело не касается вас.

Потом он повернулся к своему лакею, который стоял позади его, и сказал:

– Касторин! Сюда!

И в то же время он ощупывал седло, как бы желая убедиться, что его пистолеты целы.

– Ах! – вскричал юноша, протягивая руки как бы с намерением остановить его. – Ради неба, не рискуйте жизнью в таком деле. Лучше войти в гостиницу, чтобы не дать подозрения тем, кто вас поджидает. Помните, что дело идет о чести женщины.

– Вы правы, – сказал всадник, – хотя в этом случае дело идет собственно не о чести, а о денежных выгодах. Касторки, – прибавил он, оборачиваясь к лакею, – в эту минуту мы не поедem далее.

– Помилуйте! – вскричал удивленный лакей. – Что вы изволите говорить?

– Говорю, что Франсинетта сегодня вечером лишится удовольствия видеть тебя, потому что мы проведем ночь здесь, в гостинице «Золотого Тельца». Ступай, закажи мне ужин и вели приготовить мне постель.

Всадник заметил, что Касторин намерен возражать, и потому к последним своим словам прибавил движение головою, которое не допускало возражений. Касторин исчез в воротах, повесив голову и не посмев сказать даже слова.

Путешественник следил за Кастиорином глазами, потом, немного подумав, решился, сошел с лошади, вошел в ворота вслед за своим лакеем, отдал ему поводья лошади и тотчас взбежал в комнату юноши.

Юноша, услышав, что дверь отворяется, невольно вздрогнул. Но гость не мог заметить этого движения в темноте.

– Милостивый государь, – сказал путешественник, весело подходя к юноше и сжимая руку, которую тот не хотел подать ему, – я обязан вам жизнью.

– О, вы слишком преувеличиваете цену моей услуги, – отвечал юноша, отступая на шаг.

– К чему такая скромность? Вы точно спасли мне жизнь. Я знаю герцога: он чертовски жесток. Что же касается вас, то вы образец догадливости, феникс христианского милосердия. Но вы, такой милый, такой любезный, неужели вы не послали известия туда?

– Куда?

– Туда, куда я ехал. Туда, где меня ждут.

– Нет, – отвечал юноша, – я об этом не подумал, признаюсь вам. Да если бы и подумал, то не мог бы исполнить моей мысли по недостатку средств. Я сам здесь только часа два и не знаю никого в гостинице.

– Черт возьми! – прошептал путешественник с заметным беспокойством. – Бедная Нанона! Дай бог, чтобы с ней не случилось какой беды!

– Какая Нанона? Нанона Лартиг? – закричал юноша с изумлением.

– Ба! Вы, верно, колдун? – спросил путешественник. – Вы видите вооруженных людей в засаде и тотчас догадываетесь, против кого они хотят действовать. Я говорю вам имя, а вы тотчас угадываете фамилию. Объясните мне все это поскорее, или я донесу на вас, и Бордоский парламент приговорит вас к костру.

– Ну, на этот раз немного было нужно ума, чтобы догадаться, в чем дело. Ведь вы уже сказали, что герцог д'Эпернон ваш соперник, потом начали говорить о Наноне. Стало быть, это та самая Нанона Лартиг, прелестная, богатая, умная, в которую до безумия влюблен герцог д'Эпернон и которая управляет его провинцией, за что ее ненавидят так же, как и самого герцога, во всей Гиенне... И вы ехали к этой женщине? – прибавил юноша с упреком.

– Да, признаюсь... Когда уж я сказал ее имя, так нельзя отговариваться. Притом же Наноны не знают, клеветают на нее. Она – очаровательная женщина, верна своим обещаниям, пока они доставляют ей удовольствие, вся предана тому, кого любит, пока любит его. Я должен был ужинать с нею сегодня вечером, но герцог опрокинул приборы. Хотите, я завтра представлю вас ей? Черт возьми! Ведь, наконец, герцог уедет же в Ажан!

– Благодарю, – сухо отвечал юноша. – Я знаю госпожу Лартиг только по имени и не желаю знать ее иначе.

– Напрасно, черт возьми, напрасно! Нанона прелестная женщина, не мешает быть знакомым с нею во всех отношениях.

Юноша нахмурил брови.

– Ах, извините, – сказал удивленный путешественник. – Я думал, что в наши лета...

– Разумеется, в мои лета обыкновенно принимают подобные предложения, – отвечал юноша, заметив, что его строгость производит дурное впечатление. – И я принял бы его охотно, если бы не был обязан уехать отсюда в эту же ночь.

– О! Вы не уедете, пока я не узнаю, кто так великодушно спас мне жизнь.

Юноша с минуту не решался, потом отвечал:

– Я виконт де Канб.

– Ага! – сказал путешественник. – Я много слышал о хорошенькой виконтессе де Канб, у которой много владений около Бордо и которая очень дружна с принцессой.

– Она моя родственница, – живо отвечал юноша.

– Так поздравляю вас, виконт. Говорят, она удивительно хороша. Надеюсь, что при удобном случае вы представите меня ей. Я барон де Каноль, капитан в Наваильском полку, и теперь пользуюсь отпуском, который дан мне герцогом д'Эперноном по просьбе госпожи Лартиг.

– Барон де Каноль! – вскричал виконт, пристально взглядываясь в барона с особенным любопытством, которое было возбуждено именем, знаменитым в тогдашних любовных похождениях.

– Так вы знаете меня?

– Только по репутации, – отвечал виконт.

– И по дурной репутации, не так ли? Что делать? Каждый покоряется своему характеру. Я люблю бурную жизнь.

– Вы имеете полное право жить, как вам угодно, милостивый государь. Однако же позвольте мне сделать вам одно замечание.

– Извольте.

– Вот, например, женщина пострадает за вас, герцог выместит на ней свою неудачу с вами.

– Неужели?

– Разумеется. Хотя госпожа Лартиг несколько... ветрена, однако же она все-таки женщина, и вы ввели ее в беду. Вы должны позаботиться о ее безопасности.

– Вы правы, совершенно правы, мой юный Нестор. Занявшись вашим милым разговором, я совершенно забыл о моих обязанностях. Нам изменили, и герцог, вероятно, знает все. Если бы можно было предупредить Нанону... Она так ловка. Она, верно, выпросила бы мне прощение у герцога. Ну, молодой человек, знаете ли вы войну?

– Нет еще, – отвечал виконт с улыбкой, – но думаю, что научусь ей там, куда еду.

– Хорошо, вот вам первый урок. Когда сила бесполезна, надобно употреблять хитрость. Помогите же мне похитрить.

– Готов. Говорите!

– В гостинице двое ворот.

– Не знаю.

– А я знаю. Одни выходят на большую дорогу, другие ведут в поле. Выйду через ворота в поле, обойду кругом и постучусь у домика Наноны. В нем тоже двое ворот.

– Хорошо, а если вас захватят в этом домике? – вскричал виконт. – Нечего сказать! Славный вы тактик!

– Как захватят?

– Да, разумеется, герцог, соскучившись ждать вас на дороге, отправится в домик.

– Но я только войду и тотчас убегу.

– Коли войдете... так уже не выйдете.

– Решительно, – сказал Каноль, – вы колдун.

– Вас захватят, может быть, убьют на ее глазах.

– Ба, – отвечал Каноль, – ведь у нее есть шкафы!

– О! – прошептал виконт.

Это «о!» было произнесено так красноречиво, содержало столько скрытых упреков, столько чистой стыдливости, столько непритворной деликатности, что Каноль тотчас остановился и в темноте пристально принялся рассматривать юношу.

Виконт почувствовал всю тяжесть этого взгляда и весело продолжал:

– Впрочем, вы правы, барон, ступайте! Только спрячьтесь хорошенько, чтобы вас не узнали.

– Нет, я виноват, а вы правы, – отвечал Каноль. – Но как предупредить ее?

– Письмом.

– А кто доставит?

– Кажется, с вами ехал лакей. В подобных случаях лакеи почти ничем не рискуют. Разве несколькими палочными ударами. А дворянин рискует жизнью.

– Право, я схожу с ума, – сказал Каноль. – Касторин превосходно исполнит поручение, я подозреваю даже, что у него есть там интрижка.

– Вы видите, что все может устроиться, – прибавил виконт.

– Да. Есть у вас бумага, чернила, перо?

– У меня нет, а все есть внизу.

– Извините, – сказал Каноль, – сам не знаю, что со мной сделалось сегодня: я беспрестанно делаю глупости, но все равно. Благодарю вас за добрые советы, виконт, и теперь же исполню их.

Каноль, не спуская глаз с юноши, которого уже несколько минут рассматривал очень пристально, вышел в дверь и спустился по лестнице. Между тем виконт в смущении и беспокойстве шептал сам себе:

– Как он смотрит!.. Неужели он узнал меня?

Каноль сошел вниз и чрезвычайно печально посмотрел на перепелок, куропаток и прочие кушанья, которые сам Бискаро укладывал в корзину. Не Каноль, а другой кто-нибудь скушает все эти прекрасные вещи, хотя они назначены именно для барона.

Он спросил, где комната, приготовленная Кастирином, велел принести бумаги, перьев и чернил и написал к Наноне следующее письмо:

«Несравненная моя!

Если природа одарила прелестные ваши глаза способностью видеть во тьме, вы можете заметить шагах в ста от ваших ворот, в роще, герцога д'Эпернона. Он поджидает меня, хочет меня расстрелять и потом жестоко разделаться с вами. Я вовсе не хочу ни лишаться жизни, ни лишать вас спокойствия. В этом отношении не беспокойтесь. Я воспользуюсь отпуском, который вы мне выпросили, желая доставить мне возможность видеться с вами. Куда я поеду, сам не знаю, даже не знаю, поеду ли я куда-нибудь. Что бы ни было, призовите изгнанника, когда буря пройдет. В гостинице «Золотого Тельца» скажут вам, по какой дороге я поеду. Надеюсь, вы будете мне благодарны за такую жертву, но ваши выгоды для меня дороже моих удовольствий. Говорю: моих удовольствий, потому что мне было бы очень приятно поколотить герцога д'Эпернона и его людей. Верьте, моя бесценная, что я ваш преданнейший и особенно самый верный друг».

Каноль подписал эту записку, написанную с гасконским фанфаронством. Он знал, какое впечатление она произведет на гасконку Нанону. Потом, позвав лакея, сказал ему:

– Скажи откровенно, Кастирин, далеко ли ты зашел с Франсинеттой?

– Помилуйте, сударь, – отвечал лакей, удивленный вопросом, – не знаю, должен ли я...

– Успокойся, волокита, я не имею никаких видов на нее, и ты не удостоишься чести быть моим соперником. Вопрос мой только справка.

– А! Это совсем другое дело. Франсинетта так умна, что умела оценить мои достоинства.

– Так ты с ней очень хорош, не так ли? Похвально! В таком случае возьми эту записку, обойди лугом...

– Я знаю дорогу, сударь, – отвечал Кастирин с самодовольным видом.

– Хорошо. Постучись в задние ворота. Ты, вероятно, знаешь и эти ворота?

– Знаю.

– Еще лучше. Стало быть, ступай через луг, постучись в ворота и отдай это письмо Франсинетте.

– Так я могу... – начал Кастирин с радостью.

– Можешь идти сию минуту. Тебе дается десять минут на все путешествие, туда и обратно. Надобно доставить письмо госпоже Лартиг теперь же.

– Но, сударь, – возразил Кастирин, догадавшийся, что дело идет не совсем хорошо, – если мне не отпрут?

– Так ты будешь дурак. Верно, у тебя есть какой-нибудь особый способ стучаться. Употреби его, и тебя не оставят за воротами. Если этого нет, то я жалкий вельможа, потому что у меня в услужении такой неуч.

– Да, у нас есть условный знак, – отвечал Кастирин с торжествующим видом. – Я стучусь два раза, а потом, через несколько времени, прибавляю третий удар.

– Я не спрашиваю, как ты стучишься, это мне все равно. Главное, чтобы тебя впустили. Ступай же, если тебя поймают, проглоти записку. Знай, что я обрублю тебе уши, если ты не съешь ее.

Касторин полетел, как молния, но, спустившись с лестницы, остановился и против всех приличий всунул записку в сапог. Потом вышел через задние ворота, обежал весь луг, пробираясь сквозь кусты, как лисица, перепрыгивая через рвы, как гончая собака, и постучался в ворота домика тем особенным образом, который он старался объяснить своему господину. Стук подействовал так, что тотчас отперли калитку.

Через десять минут Касторин воротился без всяких особенных приключений и уведомил барона, что записка уже находится в прелестных ручках Наноны.

Каноль в эти десять минут разобрал свой чемоданчик, приготовил себе халат и велел принести ужин. С видимым удовольствием выслушал он донесение Касторина, вышел в кухню, громко отдал приказания на всю ночь и беспощадно зевал, как человек, с нетерпением ожидающий минуты, когда ему можно будет лечь спать. Весь этот маневр имел целью показать герцогу (если герцог станет наблюдать за ним), что барон не намеревался ехать далее гостиницы, где он хотел, как простой и скромный путешественник, попросить ужина и ночлега. Действительно, маневр этот произвел именно то, чего желал барон. Какой-то поселянин, сидевший за бутылкою вина в самом темном углу залы, позвал слугу, расплатился, встал и вышел тихо, напевая песню. Каноль пошел за ним до ворот и видел, как он вошел в рошу. Минут через десять послышался конский топот. Серые кафтаны уехали.

Барон воротился в комнаты и, успокоившись насчет Наноны, начал думать, как бы повеселее провести вечер. Он приказал Касторину приготовить карты и кости и, все приготовив, идти к виконту и спросить, может ли виконт принять его.

Касторин повиновался и на пороге комнаты виконта встретил старого седого конюха, который, полурастворив дверь, отвечал на его приветствие и просьбу грубым голосом:

– Теперь никак нельзя. Виконт занят делами.

– Очень хорошо, – сказал Каноль, услышав этот ответ, – я подожду.

В кухне послышался страшный шум. С целью убить время барон пошел посмотреть, что происходит в этом важном отделении гостиницы.

Шум наделал поваренок, носивший ужин к Наноне. На повороте дороги его остановили четыре человека и спрашивали о цели его ночной прогулки. Узнав, что он несет ужин к хозяйке уединенного домика, они сняли с него фуражку, белую куртку и фартук. Самый молодой из этих четырех человек надел платье поваренка, поставил корзину на голову и вместо посланного пошел к домику. Через несколько минут он воротился и начал толковать потихоньку с тем, кто казался начальником шайки. Потом поваренку отдали фуражку, белую куртку и фартук, поставили ему на голову корзину и толкнули ногою, чтобы он знал, куда идти. Мальчику только этого и хотелось. Он бросился бежать и от страха почти без чувств упал на пороге гостиницы, где и подняли его.

Это приключение казалось непонятно всем, кроме Каноля. Но барону не было выгоды объяснять его, и он предоставил трактирщику, слугам и служанкам теряться в догадках и, пока они догадывались, отправился к виконту. Думая, что первая просьба, уже посланная через Касторина, избавляет его от второй, барон без церемоний отворил дверь и вошел.

Посредине комнаты стоял стол со свечами и двумя приборами, недоставало только кушанья.

Каноль заметил число приборов и вывел из него благоприятное для себя заключение.

Однако же, увидав его, виконт вскочил: ясно было, что не для барона поставлен второй прибор.

Все разрешилось первыми словами виконта.

– Могу ли узнать, барон, – спросил юноша очень церемонно, – чему я обязан новым вашим посещением?

– Самому простому случаю, – отвечал Каноль, несколько пораженный неласковым приемом виконта. – Мне захотелось есть. Я подумал, что и вы, вероятно, тоже хотите кушать. Вы одни, и я один, и я хотел предложить вам поужинать со мною.

Виконт взглянул на Каноля с заметною недоверчивостью и, казалось, затруднялся с ответом.

– Клянусь честью, – продолжал Каноль с улыбкою, – вы как будто боитесь меня. Уж не мальтийский ли вы кавалер? Не идете ли вы в монахи, или, может быть, почтенные ваши родители воспитали вас в отвращении к баронам де Каноль? Помилуйте, я не погублю вас, если мы просидим час за одним столом.

– Не могу идти к вам, барон.

– Так и не сходите ко мне. Но я поднялся к вам!..

– Это еще невозможнее. Я жду гостя.

На этот раз Каноль растерялся.

– А, вы ждете гостя.

– Да, жду.

– Послушайте, – сказал Каноль, помолчав немного, – уж лучше бы вы не останавливали меня, пусть бы со мною что-нибудь случилось... А то теперь вы портите вашу услугу вашим обращением ко мне... Услугу, за которую я не успел еще довольно благодарить вас.

Юноша покраснел и подошел к Канолю.

– Простите меня, барон, – сказал он дрожащим голосом, – вижу, что я очень неучтив. Если бы не важные дела, дела семейные, о которых я должен переговорить с гостем, то я за счастье и за удовольствие почел бы ужинать с вами, хотя...

– Договаривайте, – сказал Каноль, – я решился не сердиться на вас, что бы вы ни сказали мне.

– Хотя, – продолжал юноша, – знакомство наше – дело случая, нечаянная встреча, минутная.

– А почему так? – спросил Каноль. – Напротив, именно на таких случаях основывается самая прочная и откровенная дружба. Особенно когда сам рок...

– Сам рок, – отвечал виконт с улыбкой, – хочет, чтобы я уехал отсюда через два часа, и не по той дороге, по которой вы поедете. Примите мое сожаление в том, что я не могу воспользоваться дружбой, которую вы предлагаете мне так мило и которой я знаю цену.

– Ну, – сказал Каноль, – вы решительно престранный человек, – и первый порыв вашего великодушия внушил мне сначала совсем другие мысли о вашем характере. Но пусть будет по-вашему, я не имею права быть взыскательным, потому что я вам обязан, и вы сделали для меня гораздо больше того, на что я мог надеяться от незнакомого человека. Пойду и поужинаю один, но признаюсь вам, виконт, это мне очень прискорбно: я не очень привык к монологам.

И в самом деле, несмотря на свое обещание и на свою решимость уйти, Каноль не уходил. Что-то удерживало его на месте, хотя он и не мог дать себе отчета в этой притягательной силе, что-то неотразимо влекло его к виконту.

Юноша взял свечу, подошел к Канолю, с прелестною улыбкою пожал ему руку и сказал:

– Милостивый государь, хотя наше знакомство совсем не короткое, я чрезвычайно рад, что мог быть вам полезным.

Каноль в этих словах понял только комплимент. Он схватил руку, ему предложенную, но виконт, не отвечая на его сильное пожатие, отдернул свою горячую и дрожащую руку. Тут барон понял, что юноша просит его выйти вон самым учтивым образом, раскланялся и вышел с досадой и задумавшись.

В дверях он встретил беззубую улыбку старого лакея, который взял свечу из рук виконта, церемонно довел Каноля до его комнаты и тотчас воротился к своему господину.

– Что? – спросил виконт потихоньку.

– Кажется, он решился ужинать один, – ответил Помпей.

– Так он уж не придет?

– Кажется, не придет.

– Вели приготовить лошадей, Помпей. Таким образом мы все-таки выиграем время. Но, – прибавил виконт, прислушиваясь, – что это за шум? Кажется, голос Ришона.

– И голос Каноля.

– Они ссорятся.

– Нет, узнают друг друга, извольте слушать.

– Ах! Что, если Ришон проговорится!

– Помилуйте, нечего бояться, он человек очень осторожный.

– Тише!

Оба замолчали, и послышался голос Каноля.

– Давайте два прибора, Бискаarro, – кричал барон, – скорее два прибора! Господин Ришон ужинает со мною.

– Нет, позвольте, – отвечал Ришон, – никак нельзя.

– Что такое? Вы хотите ужинать одни, как тот господин?

– Какой господин?

– Там, наверху.

– Кто он?

– Виконт де Канб.

– Так вы знаете виконта?

– Как же! Он спас мне жизнь.

– Он спас?

– Да, он!

– Каким образом?

– Ужинайте со мною, тогда я все расскажу вам за ужином.

– Не могу, я ужинаю у него.

– Правда, он кого-то ждет.

– Он ждет, а я уже опоздал, и потому вы позволите мне, барон, пожелать вам доброй ночи?

– Нет, черт возьми! Не позволяю, не позволяю! – кричал Каноля. – Я задумал ужинать в веселой компании, поэтому вы отужинаете со мною, или я буду ужинать с вами. Бискаarro, два прибора.

Но пока Каноля отвернулся и наблюдал за исполнением этого приказанья, Ришон побегал по лестнице. На последней ступеньке его встретила мягкая ручка виконта, втянула в комнату, затворила дверь и задвинула, к величайшему его удивлению, обе задвижки.

– Черт возьми! – шептал Каноля, отыскивая глазами исчезнувшего Ришона и один садясь за стол. – Не знаю, почему все против меня в этом проклятом месте. Одни гоняются за мною и хотят убить меня, другие бегут от меня, как будто я зачумлен. Черт возьми! Аппетит проходит, чувствую, что становлюсь скучным, я готов сегодня выпить допьяна, как лакей. Гей, Касторин! Поди сюда, я поколочу тебя! Они заперлись там наверху как для заговора. Ах! Какой я глупец! Они в самом деле сочиняют заговор, точно так, этим все объясняется. Но вот вопрос, в чью пользу они составляют заговор? В пользу коадьютора? Или принцев? Или парламентов? Или короля? Королевы? А может быть, в пользу кардинала Мазарини? Бог с ними, пусть себе замышляют против кого им угодно, это мне совершенно безразлично, аппетит мой воротился. Касторин, вели давать ужин. Я тебя прошу.

Каноль философски принялся за первый ужин, приготовленный для виконта Канба. За неимением свежей провизии Бискарро подал барону по необходимости подогретый ужин.

Пока барон Каноль тщетно ищет товарища для ужина и после бесплодных попыток решается ужинать один, посмотрим, что делается у Наноны.

IV

Нанона, несмотря на все, что говорили и писали против нее враги, а в числе ее врагов надобно считать всех историков, занимавшихся ею, была в то время прелестная женщина лет двадцати пяти или шести, невелика ростом, смугла, но величественна и грациозна, с живым и свежим цветом лица, с черными как ночь глазами, которые блистали всеми возможными отблесками и огнями. По-видимому, Нанона казалась веселою и охотницею посмеяться, но на самом деле она редко предавалась прихотям и пустякам, которые обыкновенно наполняют жизнь женщины, живущей для любви. Напротив того, самые важные рассуждения, обдуманые в ее голове, становились увлекательными и ясными, когда их произносил ее голос, показывавший, что она гасконка. Никто не мог подозревать под розовой маской с тонкими и веселыми чертами непоколебимую твердость и глубину мыслей государственного человека. Таковы были достоинства или недостатки Наноны, смотря по тому, как кто станет судить о них. Таков был расчетливый ее ум, таково было ее человеколюбивое сердце, которым ее прелестное тело служило оболочкою.

Нанона родилась в Ажане. Герцог д'Эпернон, сын друга Генриха IV, того самого, который сидел с королем в карете в минуту, когда Равальек совершил гнусное преступление, герцог д'Эпернон, назначенный губернатором Гиенны, где его ненавидели за его гордость, грубость и несправедливость, отличил эту незначительную девочку, дочь простого адвоката. Он волочился за нею и с величайшим трудом победил ее после защиты, поддержанной мастерски, с целью дать почувствовать победителю всю цену его победы. Взамен за свою потерянную репутацию Нанона отняла у него его свободу и всемогущество. Через полгода после начала дружбы ее с губернатором Гиенны Нанона решительно управляла этою прекрасною провинциею, платя с процентами всем, кто прежде ее оскорбил или унижил, за прошедшие оскорбления и унижения. Став случайно королевою, она по расчету превратилась в тирана, предчувствуя, что надобно злоупотреблениями заменить непродолжительность царствования.

Поэтому она завладела всем, захватив все – сокровища, влияние, почести. Она разбогатела, раздавала места, принимала кардинала Мазарини и первейших придворных вельмож. С удивительною ловкостью распоряжаясь своим могуществом, она с пользою употребляла его для своего возвышения и для составления себе состояния. За каждую услугу Нанона брала назначенную цену. Чин в армии, место в суде продавались по известному тарифу. Нанона непременно выпрашивала чин или место, но ей платили за них чистыми деньгами или богатым и королевским подарком. Таким образом, выпуская из рук часть своего могущества, она тотчас возвращала его в другой форме. Отдавая власть, она удерживала деньги, потому что деньги – сильнейший рычаг власти.

Этим объясняется продолжительность ее царствования. Люди в припадке ненависти не любят ниспровергать врага, когда ему остается какое-нибудь утешение. Мщение желает совершенного разорения, полной гибели. Неохотно прогоняют человека, который уносит золото и смеется. У Наноны было два миллиона.

Зато она почти спокойно жила на вулкане, который беспрестанно дымился около нее. Она видела, что народная ненависть поднимается, как море во время прилива, и волнами своими разбивает власть герцога д'Эпернона. Когда его выгнали из Бордо, он утащил с собою Нанону, как корабль увлекает лодку. Нанона покорила буре, обещав себе отомстить за все, когда буря пройдет. Она взяла кардинала Мазарини за образец и, как скромная ученица, подражала политике хитрого и ловкого итальянца. Кардинал заметил эту женщину, которая возвысилась и

разбогатела теми же средствами, какие возвели его на степень первого министра и владельца пятидесяти миллионов, он удивился маленькой гасконке, он сделал даже больше – оставил ее в покое, позволил ей действовать. Может быть, после узнаем мы причину его снисхождения.

Несмотря на все это и на уверения некоторых, будто Нанона прямо переписывается с кардиналом Мазарини, мало говорили о политических интригах прелестной гасконки. Даже сам Каноль, по молодости, красоте и богатству своему не понимавший, зачем человек может сделаться интриганом, не знал, что думать о Наноне в этом отношении. Что же касается ее любовных интриг, то даже враги ничего не говорили о них. Может быть, потому, что она, занявшись важными делами, отложила любовные похождения до некоторого времени, или потому, что все любители сплетней сосредоточили внимание на одной интриге ее с герцогом д'Эперноном. Каноль по праву мог думать, что до его появления Нанона была непобедима. Нанона и Каноль познакомились очень просто. Каноль служил поручиком в Навайльском полку. Ему захотелось получить чин капитана. Для этого он должен был написать письмо к герцогу д'Эпернону, главному начальнику пехоты. Нанона прочла письмо, подумала, что дело может быть выгодно в денежном отношении, и назначила Канолью свидание. Каноль выбрал из старинных фамильных драгоценностей превосходный перстень, стоивший, по крайней мере, пятьсот пистолей (это было все-таки дешевле, чем купить роту), и поехал на свидание, но на этот раз победитель Каноль, уже прославившийся счастьем в любви, расстроил все расчеты и денежные надежды госпожи Лартиг. Он в первый раз видел Нанону, она в первый раз видела его, оба были молоды, хороши и умны. Свидание прошло во взаимных комплиментах, о чине не было сказано ни слова, однако же дело устроилось. На другое утро Каноль получил патент на капитанский чин, а драгоценный перстень перешел с руки Канолья на палец Наноны не в виде награды за удовлетворенное честолюбие, а как залог счастливой любви.

V

История достаточно объясняет нам, почему Нанона Лартиг поселилась возле селения Матифу. Мы уже сказали, что в Гиенне ненавидели герцога д'Эпернона. Ненавидели также Нанону, удостоив произвести ее в злые гении. Бунт выгнал их из Бордо и заставил бежать в Ажан, но и в Ажане тоже начались беспорядки. Один раз на мосту опрокинули золоченую карету, в которой Нанона ехала к герцогу. Нанона неизвестно каким образом упала в реку. Каноль спас ее. Другой раз ночью загорелся дом Наноны. Каноль вовремя пробрался в спальню Наноны и спас ее. Нанона подумала, что третья попытка, может быть, удастся жителям Ажана. Хотя Каноль удалялся от нее как можно реже, однако же не всегда мог быть при ней в минуту опасности. Она воспользовалась отъездом герцога и его конвоя в тысячу двести человек (между ними были и солдаты Наваильского полка) и выехала из Ажана вместе с герцогом. Из кареты она смеялась над народом, который охотно раздробил бы экипаж, но не смел.

Тогда герцог и Нанона выбрали, или, лучше сказать, Каноль тайно выбрал за них домик, и решили, что Нанона поживет в нем, пока отделают для нее дом в Либурне. Каноль получил отпуск, по-видимому, для окончания семейных дел, а в действительности для того, чтобы иметь право уехать из полка, стоявшего в Ажане, и не слишком удаляться от селения Матифу, в котором его спасительное присутствие было теперь нужнее, чем когда-нибудь. В самом деле, события начинали принимать грозный вид: принцы Конде, Конти и Лонгвиль, арестованные 17 января и заключенные в Венсенский замок, могли дать нескольким партиям, раздиравшим тогда Францию, повод к междоусобной войне. Ненависть к герцогу д'Эпернону (все знали, что он совершенно предан двору) беспрестанно увеличивалась, хотя можно было подумать, что она уже не может увеличиться. Все партии, сами не знавшие, что они делают в эту странную эпоху, ждали развязки, которая становилась необходимою. Нанона, как птичка, предчувствующая бурю, исчезла с горизонта и скрылась в своем зеленом гнездышке, ожидая там, безмолвно и в неизвестности, развязки событий.

Она выдавала себя за вдову, ищущую уединения. Так называл ее и сам Бискалло.

Накануне герцог д'Эпернон виделся с прелестною затворницею и объявил ей, что уедет на неделю ревизовать провинцию. Тотчас после его отъезда Нанона послала через сборщика податей письмо к Канолу, который, пользуясь отпуском, жил в окрестностях Матифу. Только, как мы уже рассказывали, подлинная записка исчезла, и Ковиньяк вместо нее послал копию. На это приглашение и ехал беспечный капитан, когда виконт де Канб остановил его шагах в четырехстах от цели.

Остальное мы знаем.

Канона ждала Каноль, как ждет влюбленная женщина, то есть десять раз в минуту смотрела на часы, беспрестанно подходила к окну, прислушивалась ко всякому стуку, поглядывала на красное и великолепное солнце, которое скрывалось за горою и уступало место сумраку. Сначала постучались в парадную дверь. Нанона выслала Франсинетту. Но то был мнимый поваренок, который принес ужин. Нанона выглянула в переднюю и увидела фальшивого посланного, а тот заглянул в спальню и увидел там накрытый столик с двумя приборами. Нанона приказала Франсинетте разогревать ужин, печально притворила дверь и воротилась к окну, из которого даже при темноте ночной она могла видеть, что на дороге никого нет.

Другие удары, не похожие на первый, раздались у задних ворот домика. Нанона вскрикнула: «Вот он!» Но боясь, что и это не он, она молча и неподвижно стояла в своей комнате. Через минуту дверь отворилась и на пороге появилась Франсинетта, печальная, смущенная, с запиской в руках. Нанона увидела бумагу, бросилась, вырвала ее из рук служанки, распечатала и прочла со страхом.

Письмо поразило Нанону как громом. Она очень любила Каноля, но у ней честолюбие почти равнялось чувству любви. Лишаясь герцога д'Эпернона, она лишалась будущего своего счастья и, может быть, даже прошедшего. Однако же она была женщина умная. Она тотчас погасила свечу, которая могла изменить ей, и подбежала к окну. Она выглянула вовремя: четыре человека подходили к домику и были уже близко, не более как в двадцати шагах. Человек в плаще шел впереди, в нем Канона тотчас узнала герцога д'Эпернона. В эту минуту в комнату вошла Франсинетта со свечой. Нанона с отчаянием взглянула на приготовленный стол, на два прибора, на два кресла, наконец, на свой изысканный наряд, гармонировавший превосходно со всеми этими приготовлениями.

«Я погибла», – подумала она.

Но почти в ту же минуту ее быстрый, находчивый ум воротился к ней, она улыбнулась. С быстротою молнии она схватила простой стакан, приготовленный для Каноля, и бросила его в сад, вынула из футляра золотой бокал с гербом герцога, поставила его прибор возле своего. Потом, дрожа от страха, но с улыбкою на лице пошла по лестнице и пришла к двери в ту самую минуту, как раздался громкий и торжественный удар.

Франсинетта хотела отпереть. Нанона схватила ее за руку, оттолкнула и с быстрым взглядом, который у пойманных женщин так хорошо дополняет мысль, сказала:

– Я ждала герцога д'Эпернона, а не Каноля. Подавай ужин скорей!

Потом она сама отперла и, бросившись обнимать человека с белым пером, который старался казаться суровым, закричала:

– А, стало быть, сон не обманул меня! Пожалуйте, герцог, все готово, мы будем ужинать.

Герцог стоял в недоумении, но ласки хорошенькой женщины всегда приятны, поэтому он позволил ей поцеловать себя.

Но, вспомнив тотчас, что имеет в руках неотразимые доказательства, он отвечал:

– Позвольте, сударыня, прежде ужина нам непременно нужно объясниться.

Он рукою подал знак своим товарищам, которые почтительно отошли, однако же недалеко, сам он вошел в дом тяжелыми шагами.

– Что с вами, милый герцог? – спросила Нанона с веселостию, разумеется, притворною, но очень похожею на настоящую. – Не забыли ль вы чего-нибудь здесь, что так внимательно осматриваете комнату?

– Да, я забыл сказать вам, что я не дурак, не Жеронт, каких выставляет Бержерон в своих комедиях. Забыв сказать вам про это, я лично являюсь доказать вам, что я не дурак.

– Я вас не понимаю, герцог, – сказала Нанона очень спокойно и простодушно. – Объяснитесь, прошу вас.

Герцог поглядел на два стула, со стульев взгляд его перешел на два прибора. Тут взгляд его остановился довольно долго.

Герцог покраснел от гнева.

Нанона предвидела все это и ждала последствий осмотра с улыбкой, которая показывала ее зубы, белые, как жемчужины. Только эта улыбка отзывалась чем-то болезненным, и белые зубки ее, верно, скрежетали бы, если бы от страха не примкнули один к другому.

Герцог посмотрел на нее грозно.

– Я вас жду, – сказала Нанона с прелестным поклоном. – Что вы хотели знать?

– Я хотел знать, зачем вы приготовили ужин?

– Я уже вам сказала, что видела сон. Видела, что вы будете ко мне сегодня, хотя и приезжали вчера. А сны никогда не обманывают меня. Я приказала приготовить ужин для вас.

Герцог сделал гримасу, которую хотел выдать за насмешливую улыбку.

– А ваш очаровательный наряд, сударыня? А эти благовония, духи?

– Одета я, как и всегда, когда принимаю вас, герцог. Духи всегда и во всех моих шкафах, потому что вы сами говорили мне, что очень любите их.

– Так вы ждали меня? – спросил герцог с усмешкой, полной иронии.

– Что такое? – сказала Нанона, тоже нахмутив брови. – Кажется, вы намереваетесь осматривать мои шкафы? Уж не ревнивы ли вы, сударь?

Нанона расхохоталась.

Герцог принял величественный вид.

– Я ревнив! О нет! Слава богу, в этом отношении не могут посмеяться надо мною. Я стар и богат, стало быть, я создан для того, чтобы быть обманутым. Но тем, кто меня обманывает, я хочу, по крайней мере, доказать, что я не дурак.

– А как вы это докажете им? – спросила Нанона. – Мне любопытно знать.

– О, это совсем не трудно. Я покажу им только вот эту бумажку.

Герцог вынул из кармана письмо.

– Мне уже ничего не снится, – сказал он, – в мои лета не бывает сновидений, но я получаю письма. Прочтите вот это, оно очень любопытно.

Нанона в страхе взяла письмо и задрожала, увидав почерк, но трепета ее нельзя было заметить, и она прочла:

«Герцога д'Эпернона сим извещают, что сегодня вечером один человек, находящийся уже с полгода в коротких отношениях с госпожой Лартиг, придет к ней и останется у ней ужинать.

Желая сообщить герцогу полные сведения, уведомляют, что счастливый соперник – барон де Каноль».

Нанона побледнела: этот удар поразил ее прямо в сердце.

– Ах, Ролан, Ролан! – прошептала она. – Я думала, что навсегда от тебя избавилась!

– Что? – спросил герцог с торжеством.

– Неправда, – отвечала Нанона. – Если ваша политическая полиция не лучше любовной, то я жалею вас.

– Вы жалеете меня?

– Да, потому что здесь нет этого барона Каноль, которому вы напрасно приписываете честь быть вашим соперником. Притом же вы можете подождать и увидите, что он не придет.

– Он уже был!

– Неправда! – вскричала Канона.

На этот раз истина звучала в восклицании обвиненной красавицы.

– Я хотел сказать, что он уже был здесь в нескольких стах шагов и, к счастью своему, остановился в гостинице «Золотого Тельца».

Нанона поняла, что герцог знает не все и менее того, что она думала. Она пожала плечами, потом новая мысль, внушенная ей письмом, которое она вертела и мяла в руках, созрела в ее голове.

– Можно ли вообразить, – сказала она, – что человек гениальный, славнейший политик Франции верит безымянным письмам?

– Пожалуй, письмо безымянное, но как вы объясните его?

– О, объяснить его нетрудно: оно есть продолжение козней наших доброжелателей в Ажане. Барон де Каноль по домашним обстоятельствам просил у вас отпуск, вы отпустили его. Узнали, что он едет через Матифу, и на путешествии его построили это смешное обвинение.

Нанона заметила, что лицо герцога не только не развеселилось, но даже еще более нахмурилось.

– Объяснение было бы очень хорошо, – сказал он, – если бы в знаменитом письме, которое вы сваливаете на ваших доброжелателей, не было приписки... В смущении вы забыли прочесть ее.

Смертельная дрожь пробежала по всему телу несчастной женщины. Она чувствовала, что не в силах выдержать борьбы, если случай не поможет ей.

– Приписка! – повторила она.

– Да, прочтите ее, – сказал герцог, – письмо у вас в руках.

Нанона пыталась улыбнуться, но сама чувствовала, что лицо ее не может изобразить спокойной улыбки. Она удовольствовалась тем, что начала читать довольно твердым голосом:

«В моих руках письмо госпожи Лартиг к барону Канолю, в этом письме свидание назначено сегодня вечером. Я отдам письмо за бланк герцога, если герцогу угодно будет передать мне его посредством человека, который должен быть один, в лодке, на Дордони, против Сен-Мишеля, в шесть часов вечера».

– И вы имели неосторожность... – начала Нанона.

– Почерк руки вашей так мне дорог, что я готов все заплатить за одно письмо ваше.

– Поручать такую тайну какому-нибудь неверному наперснику!.. Ах, герцог!

– Такие тайны узнаются лично, и я так и сделал. Я сам отправился в лодке.

– Так у вас мое письмо?

– Вот оно.

Нанона собрала все усилия памяти и старалась вспомнить текст письма, но никак не могла, потому что совершенно растерялась.

Она была принуждена взять собственное свое письмо и прочесть его, в нем было только три строчки: Нанона в одну секунду прочла их глазами и с невыразимой радостью увидела, что письмо не вполне губит ее.

– Читайте вслух, – сказал герцог, – я так же, как вы, забыл содержание письма.

Нанона могла улыбнуться и по приглашению герцога прочла:

«Я ужинаю в восемь часов. Будете ли вы свободны? Я свободна. Будьте аккуратны, любезный Каноль, и не бойтесь за нашу тайну».

– Вот это довольно ясно, кажется! – закричал герцог, побледнев от бешенства.

«Это спасает меня», – подумала Нанона.

– Ага, – продолжал герцог, – у вас с Канолем есть тайны!

VI

Нанона поняла, что одна минута нерешимости может погубить ее. Притом же она успела уже обдумать весь план, всю мысль, внушенную ей безымянным письмом.

– Да, правда, – сказала она, пристально поглядывая на герцога, – у меня есть тайна с капитаном.

– Вы сами признаетесь! – закричал герцог.

– Поневоле признаешься, когда от вас ничего нельзя скрыть.

– О, – прошептал герцог сквозь зубы.

– Да, я ждала барона Канолья, – спокойно продолжала госпожа Лартиг.

– Вы ждали его?

– Ждала.

– И смеете признаться?..

– Смею. Знаете ли вы, кто такой Каноль?

– Хвастун, которого я жестоко накажу за его дерзость.

– Нет, он добрый и честный дворянин, и вы станете по-прежнему покровительствовать ему.

– Ого! Ну, этого-то не будет! Клянусь!

– Не клянитесь, герцог, по крайней мере, до тех пор, пока не выслушаете меня, – сказала Нанона с улыбкою.

– Говорите же, но скорей.

– Вы, все знающий, все замечающий, неужели вы не заметили, что я беспрестанно занималась Канолем, беспрестанно просила вас за него, выпросила ему капитанский чин, денежное пособие на поездку в Бретань с господином Мельерэ и потом еще отпуск? Неужели вы не заметили, что я беспрестанно заботилась о нем?

– Сударыня, это уж чересчур!

– Позвольте, герцог, подождите до конца.

– Чего мне еще ждать? Что вы можете еще прибавить?

– Что я принимаю в бароне Каноле самое нежное участие.

– Я знаю!

– Что я предана ему и телом и душою.

– Сударыня, вы употребляете во зло...

– Что буду служить ему до самой смерти, и все это потому...

– Потому что он ваш любовник, не трудно догадаться.

– Нет! – закричала Нанона, схватив дрожавшего герцога за руку. – Потому что Каноль брат мой!

Руки герцога д'Эпернона опустились.

– Ваш брат! – прошептал он.

Нанона кивнула головою в знак согласия и улыбнулась с радостью.

Через минуту герцог вскричал:

– Однако же это требует объяснения!

– Извольте, я все объясню вам, – сказала Нанона. – Когда умер отец мой?

– Теперь уж месяцев восемь, – отвечал герцог, рассчитав время.

– А когда подписали вы патент на капитанский чин барону Канолью?

– Да в то же время.

– Две недели спустя, – сказала Нанона.

– Очень может быть...

– Мне очень неприятно, – продолжала Нанона, – рассказывать про бесчестие другой женщины, разглашать тайну, которая становится нашею тайною, слышите ли? Но ваша странная резкость принуждает меня, ваше поведение заставляет меня говорить... Я подражаю, вам герцог: во мне нет великодушия.

– Продолжайте, продолжайте! – вскричал герцог, который начинал уж верить выдумкам прелестной гасконки.

– Извольте... Отец мой был известный адвокат, имя его славилось. Назад тому двадцать лет отец мой был еще молод, он всегда был очень хорош лицом. Он любил еще до своего брака мать барона Каноль, ее не отдали за него, потому что она дворянка, а он – выслужившийся чиновник. Любовь взяла на себя труд, как часто случается, поправить ошибку природы, и один раз, когда барон Каноль отправился в путешествие... Ну, теперь вы понимаете?

– Понимаю, но каким образом дружба ваша с Канолем началась так поздно?

– Очень просто: только по смерти отца я узнала, какие узы связывают меня с Канолем. Вся тайна хранилась в письме, которое отдал мне сам барон, называя меня сестрою.

– А где это письмо?

– А разве вы забыли, что пожар истребил у меня все самые мои драгоценные вещи и все мои бумаги?

– Правда, – прошептал герцог.

– Двадцать раз я собиралась рассказать вам эту историю, будучи уверена, что вы сделаете все, что можно, для того, кого я потихоньку называю братом. Но он всегда удерживал меня, всегда упрашивал, умолял пощадить репутацию его матери, которая еще жива. Я повиновалась ему, потому что умела ценить его доводы.

– Так вот что! – сказал тронутый герцог. – Ах, бедный Каноль.

– А ведь он отказывался от счастья! – прибавила прелестная гасконка.

– У него прекрасная душа, – заметил герцог, – это делает ему честь.

– Я даже обещала ему с клятвою, что никогда никому не скажу ни слова про эту тайну. Но ваши подозрения заставили меня проговориться. О, горе мне! Я забыла клятву! Горе мне! Я изменила тайне моего брата!

Нанона зарыдала.

Герцог бросился перед ней на колени и целовал ее прелестные ручки. Она опустила их в отчаянии и, подняв глаза к небу, казалось, вымаливала себе прощение за клятвопреступление.

– Вы твердите: горе мне! – вскричал герцог. – Напротив того, счастье всем нам! Я хочу, чтобы милый Каноль воротил потерянное время. Я не знаю его, но хочу познакомиться с ним. Вы представите его мне, и я буду любить его, как сына.

– Скажите, как брата, – подхватила она с улыбкой.

Потом перешла к другой мысли.

– Несносные доносчики! – сказала она, сжимая письмо и показывая, будто бросает его в камин, но между тем тщательно спрятала его в карман, чтобы впоследствии отыскать доносчика.

– Но, кстати, – сказал герцог, – отчего не идет он сюда? Зачем откладывать наше знакомство? Я сейчас пошлю за ним в гостиницу.

– Хорошо! Чтобы он узнал, что я ничего не могу скрывать от вас, и что, забыв данную клятву, я все рассказала вам?

– Я все скрою.

– Теперь, герцог, я должна ссориться с вами, – сказала Нанона с улыбкою, которую демоны занимают у ангелов.

– А за что, красавица моя?

– За то, что прежде вы более дорожили свиданиями со мною наедине. Послушайте, теперь поужинаем. Успею послать за Канолем и завтра.

«До завтра я успею предупредить его», – подумала Нанона.

– Пожалуй, – отвечал герцог, – сядем за стол.

В припадке подозрений он думал: «До завтрашнего утра не расстанусь с нею, и она будет колдунья, если успеет предупредить его».

– Стало быть, – сказала Нанона, положив руку на плечо герцогу, – мне позволено будет просить моего друга в пользу моего брата?

– Разумеется, – отвечал герцог, – все, что вам угодно, начиная с денег...

– Ну, денег ему не нужно, – возразила Нанона, – он подарил мне бриллиантовый перстень, который вы заметили и который достался ему от его матери.

– Так чин.

– Да, дело в чине. Мы дадим ему чин полковника, не так ли?

– Произвести его в полковники! Ба! Как вы спешите! Ведь для этого нужно, чтобы он оказал какую-нибудь услугу королю.

– Он готов служить везде, где ему прикажут.

– О, – сказал герцог, поглядывая на Нанону. – Я мог бы дать ему тайное поручение ко двору...

– Поручение ко двору! – вскричала Нанона.

– Да, но оно разлучит вас.

Нанона поняла, что надобно уничтожить остатки недоверчивости.

– Не бойтесь этого, милый герцог. Что за дело до разлуки, если она послужит ему в пользу! Если мы будем вместе, я не могу хорошо служить ему, потому что вы ревнивы. Если он будет далеко, вы станете поддерживать его вашей могущественною рукою. Удалите его, вышлите из Франции, если нужно для его пользы, и обо мне не заботьтесь. Только бы вы любили меня, больше мне ничего не нужно.

– Хорошо, решено, – отвечал герцог. – Завтра утром я пошлю за ним и дам ему поручение. А теперь, – прибавил герцог, умильно взглянув на два кресла и на два прибора, – теперь поужинаем, несравненная красавица.

Оба сели за стол с такими веселыми лицами, что даже Франсинетта, привыкшая к обращению герцога и к характеру своей госпожи, подумала, что Нанона совершенно спокойна, а герцог совершенно убедился в ее невинности.

VII

Ришон поднялся в первый этаж гостиницы «Золотого Тельца» и сел ужинать с виконтом. Его-то ждал с нетерпением виконт, когда сама судьба доставила ему случай видеть враждебные приготовления герцога д'Эпернона и оказать барону Канюлю важную услугу, о которой мы уже рассказали.

Ришон выехал из Парижа уже с неделю. Из Бордо приехал в тот день, когда началась наша повесть. Стало быть, он привез самые свежие известия о запутанных делах, происходивших в то время между Парижем и Бордо. Когда он говорил о заключении принцев, важнейшем тогдашнем событии, или о Бордоском парламенте, который овладел всею провинциею, или о кардинале Мазарини, который был истинным королем в то время, виконт молча смотрел на его мужественное и загорелое лицо, на его пронизательные и самоуверенные глаза, на его острые и белые зубы, выставлявшиеся из-под черных усов. По всем этим признакам в Ришоне можно было узнать выслужившегося офицера.

– Так вы говорите, – спросил наконец виконт, – что принцесса теперь в Шантильи?

Известно, что принцессами в то время называли герцогинь Конде, только к имени старшей из них всегда прибавляли: вдовствующая.

– Да, – отвечал Ришон, – там она ждет вас.

– А в каком она положении?

– В совершенном изгнании: за нею и за матерью ее мужа наблюдают с величайшим вниманием, потому что при дворе знают, что они не довольствуются одними просьбами парламенту и замышляют что-нибудь подейственнее в пользу принцев. К несчастью, как и всегда, денежные обстоятельства... Кстати, о деньгах, получили ли вы ту сумму, которую хотели добыть здесь? Мне особенно поручили узнать об этом.

Виконт отвечал:

– Я с трудом собрал тысяч двадцать золотом, вот оно здесь. Только!

– Только! Какие у вас понятия, виконт! Видно, что вы миллионер: говорите с таким презрением о такой сумме в такую минуту! Двадцать тысяч! Мы будем беднее кардинала Мазарини, но богаче короля.

– Так вы думаете, Ришон, что принцесса примет мое посильное приношение?

– С благодарностью: вы дадите ей средство платить жалованье целой армии.

– А разве нам она нужна?

– Армия-то? Разумеется, и мы уже занимаемся и сбором ее. Ларошфуко набрал четырехста дворян под предлогом того, что они будут присутствовать при похоронах его отца. Герцог де Бульон отправится в Гиенну с таким же отрядом, а может быть, и больше. Тюрен обещает напасть на Париж с целью захватить Венсен врасплох и вырвать оттуда принцев: у него будет тридцать тысяч человек, всю северную армию оттянет он от службы короля. О! Дела идут очень порядочно, – прибавил Ришон, – будьте спокойны. Не знаю, достигнем ли мы цели, но, наверное, много нашумим.

– Не встретили ли вы герцога д'Эпернона? – спросил виконт, глаза которого заблестали от радости при исчислении армии, обещавшей победу его партии.

– Герцога д'Эпернона? – повторил капитан в удивлении. – Да где же мог я встретиться с ним? Ведь я приехал не из Ажана, а из Бордо.

– Вы могли встретить его в нескольких шагах отсюда, – сказал виконт с улыбкой.

– Да, правда, кажется, здесь близко живет прелестная Нанона Лартиг?

– На два выстрела от нашей гостиницы.

– Хорошо! Это объясняет мне, почему я встретил здесь барона Канюлю.

– Вы знаете его?

– Кого? Барона? Знаю. Я мог бы даже сказать, что я его друг, если бы он был не старинный дворянин, а я не выслужившийся офицер.

– Такие офицеры, как вы, Ришон, в настоящем положении дел стоят всяких князей. Вы, впрочем, знаете, что я спас его от палок, а может быть, и от чего-нибудь худшего?

– Да, он говорил мне об этом, но я невнимательно слушал его, мне так хотелось поскорее повидаться с вами. Вы уверены, что он не узнал вас?

– Плохо знаешь тех, кого никогда не знал.

– Да, я должен был употребить другое выражение и сказать: не угадал ли он вас?

– В самом деле, – отвечал виконт, – он рассматривал меня пристально.

Ришон улыбнулся.

– Как не смотреть пристально! – сказал он. – Не всякий день встречаются виконты вашего рода.

– Барон, кажется мне, преселый человек, – начал виконт, помолчав несколько секунд.

– Преселый и предобрый, очень умный и притом великодушный. Гасконцы, как вы знаете, люди, не знающие середины: они или очень хороши, или очень дурны. Барон принадлежит к числу первых. В любви и на войне он франт и бесстрашный воин, мне очень жаль, что он против нашей партии. Знаете ли... Случай свел вас с ним, так вы должны были бы постараться привлечь его на нашу сторону.

Яркая краска покрыла бледные щеки виконта и тотчас исчезла.

– Боже мой, – сказал Ришон с раздумьем, которое часто встречается в людях хорошей организации, – а мы разве серьезные и разумные, мы, решившиеся неосторожными руками зажечь пламенный междуусобной войны? Разве коадьютор – человек серьезный? А он одним словом может усмирить или поднять Париж! Разве герцог де Бофор – человек серьезный? А он имеет такое влияние в Париже, что его прозвали королем! Разве герцогиня де Шеврез – серьезная женщина? А она назначает и отставляет министров! Разве герцогиня де Лонгвиль – серьезная женщина? А она три месяца царствовала в Парижской ратуше. Разве и сама принцесса Конде – серьезная женщина, ведь она еще вчера занималась только платьями, нарядами и бриллиантами. Разве герцог Энгиенский – серьезный начальник партии, когда он посреди своих мамок играет еще в куклы? Наконец, и я, – если вы позволите мне поставить мое имя после этих знаменитых имен, – разве я важный человек, я, сын ангулемского мельника, бывший слуга герцога Ларошфуко? Один раз господин мой дал мне вместо щетки шпагу, я храбро надел ее и начал выдавать себя за воина! Однако же сын ангулемского мельника, прежний камердинер Ларошфуко, стал капитаном, составляет отряд, собирает четыреста или пятьсот человек и будет в свою очередь играть их жизнью, как будто судьба дала ему право на это. Вот он идет по пути к почестям, скоро произведут его в полковники, назначат комендантом крепости... Кто знает, может быть, и ему придется в течение десяти минут, часа или целого дня располагать судьбою Франции? Видите, все это очень похоже на сон; однако же я буду почитать его действительностью до тех пор, пока меня не разбудит какая-нибудь великая катастрофа...

– И тогда, – прибавил виконт, – горе тем, кто вас разбудит, Ришон, потому что вы будете героем...

– Героем или изменником, смотря по тому, что мы тогда будем – слабейшие или сильнейшие. При том кардинале, при Ришелье, я подумал бы об этом хорошенько, потому что жертвовал бы головою.

– Помилуйте, Ришон, неужели подобные причины могут удержать вас? Вас, которого называют храбрейшим воином во всей французской армии...

– Ах, разумеется, – сказал Ришон, выразительно пожав плечами, – я был храбр, когда король Людовик XIII, бледный, с черными блестящими глазами и голубою лентою, кричал звонким голосом, закручивая усы: «Король смотрит на вас, вперед, господа!» Но мне придется увидеть на груди сына ту же ленту, какую я видел на груди отца, и кричать солдатам: «Стреляй

по королю французскому!..» Ну, виконт, – продолжал Ришон, покачивая головой, – я боюсь, что струшу в эту минуту и выстрелю мимо.

– Что с вами сегодня случилось? Зачем вы толкуете только о том, что может быть худшего? Любезный Ришон, междоусобная война страшное зло, но иногда необходима.

– Да, как чума, как желтая лихорадка, как черная лихорадка, как лихорадки всех цветов. Например, виконт, не думаете ли вы, что мне очень нужно завтра убить Каноля, когда я так дружески и с таким удовольствием пожал ему руку сегодня... И почему? Потому что я служу принцессе Конде, которая смеется надо мною, а он служит кардиналу Мазарини, над которым сам смеется? Однако же это дело очень возможное...

Виконт вздрогнул от ужаса.

– Или, может быть, – продолжал Ришон, – я ошибаюсь, и он как-нибудь проткнет мне грудь. О, вы не понимаете войны, вы видите только море интриг и бросаетесь в него, как в свою родную стихию. Третьего дня я говорил принцессе, и она согласилась со мною, что в той высокой сфере, где вы живете, ружейные выстрелы, которые нас убивают, кажутся вам простым потешным огнем.

– Право, Ришон, – сказал виконт, – вы пугаете меня, и если бы я не был уверен, что вы должны охранять меня, так не смел бы пуститься в дорогу. Но под вашей защитой, – прибавил юноша, подавая маленькую ручку свою партизану, – я ничего не боюсь.

– Под моей защитой! – повторил Ришон. – Да, вы заставили меня вспомнить об этом. Надобно вам будет обойтись без моей защиты, виконт, предположения наши изменились.

– Разве вы не поедете со мною в Шантильи?

– Я должен был вернуться туда в том случае, если бы не был нужен здесь. Но, как я уже сказал вам, я стал таким важным человеком, что принцесса решительно запретила мне удаляться из крепости. Кажется, хотят отнять ее у нас.

Виконт вскрикнул от страха:

– Как! Я должен ехать без вас! Ехать с одним Помпеем, который в тысячу раз еще трусливее меня? Проехать пол-Франции одному или почти одному? О! Нет, я не поеду, клянусь вам, я умру от страха прежде, чем доеду.

– Ах, виконт! – вскричал Ришон с громким хохотом. – Вы, стало быть, забыли, что на вас висит шпага!

– Хохочите сколько угодно, а я все-таки не поеду. Принцесса обещала мне, что вы проводите меня, и я согласился ехать только на этом условии.

– Делайте, что вам угодно, виконт, – отвечал Ришон с притворною важностью. – Во всяком случае, в Шантильи надеются на вас. Берегитесь, у принцев немного терпения, особенно когда они ждут денег.

– И к величайшему моему несчастью, – сказал виконт, – я должен выехать ночью...

– Тем лучше, – отвечал Ришон с хохотом, – никто не увидит, что вы боитесь, и вы встретите людей еще трусливее вас и обратите их в бегство.

– Не может быть! – возразил виконт, нимало не успокоенный этим предсказанием.

– Притом есть средство уладить дело, – сказал Ришон. – Ведь вы боитесь за деньги, не так ли? Оставьте их у меня, я перешлю их с тремя или четырьмя верными солдатами. Впрочем, самое верное средство доставить деньги в целости – отвезти их вам лично...

– Вы правы, я поеду, Ришон, надобно быть вполне храбрым, и сам повезу деньги. Думаю, судя по словам вашим, что принцессе теперь гораздо нужнее золото, чем моя особа. Может быть, меня дурно примут, если я приеду без денег?

– Ведь я сказал вам, что вы похожи на героя, притом же по дороге везде королевские солдаты, и война еще не началась. Однако же не очень доверяйте им и прикажите Помпею зарядить пистолеты.

– Зачем вы говорите мне все это? Думаете успокоить меня?

– Разумеется, кто знает опасность, тот не допустит захватить себя врасплох. Так поезжайте, – сказал Ришон, вставая, – ночь будет прекрасная, и до рассвета вы приедете в Монлье.

– А наш барон не ждет ли моего отъезда?

– О, теперь он занят тем же, чем мы занимались, то есть он ужинает, и если его ужин хоть несколько похож на наш, то он, как умный обжора, не встанет из-за стола без особенно важной причины. Впрочем, я зайду к нему и удержу его.

– Так извините меня перед ним за мою неучтивость. Я не хочу, чтобы он ссорился со мною, если встретит меня в дурном расположении духа. Впрочем, ваш барон должен быть предобрый малый.

– Именно так, и он готов бежать за вами на конец света, чтобы иметь удовольствие подраться с вами на шпагах. Но будьте спокойны, я поклонюсь ему от вашего имени.

– Только подождите, дайте мне уехать.

– Разумеется.

– Нет ли каких поручений к принцессе?

– Непременно есть: вы напомнили мне о самом важном.

– Вы уже написали ей?

– Писать не надобно, нужно передать ей только два слова.

– Что такое?

– Бордо – да.

– И она поймет?

– Совершенно! Основываясь на этих двух словах, она может спокойно отправиться в дорогу. Скажите ей, что я за все отвечаю.

– Ну, Помпей, – сказал виконт старому своему слуге, который в эту минуту показался в дверях, – ну, друг мой, надобно ехать!

– Ого, ехать! – отвечал Помпей. – Помилуйте, виконт! Да ведь буря страшная!

– Что ты говоришь, Помпей? – возразил Ришон. – На небе нет ни одного облачка.

– Однако же ночью мы можем заблудиться.

– Ну, заблудиться трудно, вам надобно только не съезжать с большой дороги. Притом же теперь превосходная лунная ночь.

– Лунная ночь! Лунная ночь! – прошептал Помпей. – Вы понимаете, господин Ришон, я говорю все это не для себя.

– Разумеется, – отвечал Ришон, – ведь ты старый солдат!

– Кто сражался с испанцами и был ранен в битве при Корбии... – продолжал Помпей, приосаниваясь.

– Тот ничего не боится, не так ли? Ну это очень кстати, потому что виконт не совсем спокоен. Слышишь ли? Предупреждаю тебя...

– Ого! – пробормотал Помпей, побледнев. – Вы боитесь?

– С тобой не буду бояться, храбрый мой Помпей, – отвечал виконт. – Я знаю тебя и уверен, что ты готов умереть, защищая меня.

– Разумеется, разумеется, – отвечал Помпей, – однако же если вы очень боитесь, так лучше подождать до утра.

– Никак нельзя, добрый мой Помпей. На, спрячь это золото как-нибудь на твоей лошади, я сейчас же сойду к тебе.

– Тут много денег, и не следовало бы ночью рисковать ими, – сказал Помпей, взвешивая мешок.

– Опасности нет никакой, по крайней мере, так уверяет Ришон. Ну, все ли на месте, пистолеты, шпаги и мушкетон?

– Вы забываете, – отвечал старый слуга, выпрямляясь, – что человек осторожен, когда всю жизнь свою служил солдатом. Да, виконт, все оружие в исправности.

– Видите, – сказал Ришон, – можно ли чего-нибудь бояться с таким товарищем? Счастливого пути, виконт!

– Благодарю за пожелание, но путь далек, – сказал виконт с некоторым страхом, которого не мог прогнать воинственный вид Помпея.

– Ба, – сказал Ришон, – у всякого пути есть начало и конец. Отвезите нижайший поклон от меня принцессе, скажите ей, что я готов до последней капли крови служить ей и герцогу Ларошфуко. Особенно не забудьте этих двух слов: Бордо – да. А я пойду опять к Канолью.

– Послушайте, Ришон, – сказал виконт, останавливая капитана за руку, когда тот уже начал сходить с лестницы, – если Каноль такой храбрый офицер и честный человек, как вы говорите, почему не пытаться вам привлечь его к нашей партии? Он мог бы догнать меня на дороге или приехать к нам в Шантлильи. Зная его несколько, я представил бы его принцессе.

Ришон посмотрел на виконта с такою странною улыбкою, что юноша, вероятно, по лицу его угадал все, что происходило в душе партизана, и поспешно сказал:

– Впрочем, Ришон, не обращайтесь внимания на мои слова и делайте, как знаете. Прощайте!

Протянув руку, он поспешно воротился в свою комнату, может быть, боясь, что Ришон заметит его смущение, или, может быть, потому, что опасался, чтобы не услышал его Каноль, громкий разговор которого долетал до первого этажа.

Партизан спустился с лестницы. За ним сошел и Помпей. Он беспечно нес мешок, чтобы не показать, что там есть деньги.

Через несколько минут виконт торопливо осмотрел себя, чтобы убедиться, что он ничего не забыл, погасил свечи, сбежал осторожно с лестницы, решился заглянуть через щелочку в нижний этаж. Потом, завернувшись в широкий плащ, поданный ему Помпеем, поставил маленькую ножку на руку слуги, легко вспрыгнул на лошадь, пожурил с улыбкою старого солдата за медлительность и исчез в сумраке.

Когда Ришон вошел в комнату Канолья, которого он должен был занимать, пока виконт будет готовиться к отъезду, веселый хохот показал, что барон не злопамятен.

На столе между двумя прозрачными бутылками, которые были прежде полны, возвышалась толстая бутылка, покрытая камышом. В ней хранилось превосходное старое коллиурское вино, бесценное для рта, уже отведавшего много вин. Около нее лежали сухие винные ягоды, миндаль, бисквиты, сыры разных сортов, варенье из винограда и показывали, что трактирщик не ошибся в расчете. Верность его расчета подтверждалась двумя совершенно пустыми бутылками и третью полупустою. В самом деле, кто ни прикоснулся бы к этому десерту, тот должен был бы, при всей своей умеренности, много выпить вина.

А Каноль вовсе не подумал быть воздержанным. Притом же, как гугенот (он происходил от протестантской фамилии и не расставался с религиею предков), как гугенот, говорим мы, Каноль не считал грехом много попить и хорошо поесть. Был ли он печален или даже влюблен, он всегда был неравнодушен к сладкому запаху хорошего обеда и к бутылкам особенной формы с красными, желтыми или зелеными печатями, которые держат в плену настоящее гасконское, шампанское или бургонское вино. И в настоящем случае Каноль, по обыкновению, уступил соблазну – сначала посмотрел, потом понюхал, наконец попробовал. Из пяти чувств, данных ему доброю общею матерью природой, три были совершенно довольны, поэтому два остальных сносили терпеливо и ждали своей очереди с удивительным спокойствием.

В эту минуту вошел Ришон и увидел, что Каноль качается на стуле.

– Ах, любезный Ришон, вы пришли кстати! – вскричал он. – Мне хотелось кому-нибудь похвалить трактирщика нашего Бискаарро, и приходилось уже хвалить его моему дрянному Касторину, который не знает, что значит пить, и которого я никак не мог научить есть. Ну посмотрите сюда, милый друг, взгляните на этот стол, за который я прошу вас сесть. Хозяин «Золотого Тельца» истинный артист, человек, которого я хочу рекомендовать другу моему,

герцогу д'Эпернону. Выслушайте, что у меня было за ужином: чудесный суп, холодное с маринованными устрицами, с анчоусами и ножками, каплун с оливками (при нем бутылка медака, которой остов вот здесь), куропатка с трюфелями, горошек сладкий и желе (при нем бутылка шамбертен, которая стоит вот тут); наконец, этот десерт и бутылочка коллиурского, которая пытается защищаться, но погибнет, как и прочие, особенно если мы вдвоем пойдем против нее. Черт возьми! Я в превосходном расположении духа, и Бискарро чудесный мастер! Сядьте сюда, Ришон, вы уже поужинали, но все равно. Я тоже поужинал, но это не беда, мы начнем снова.

– Благодарю, барон, – сказал Ришон с улыбкой, – мне уже не хочется есть.

– Согласен, можно не хотеть есть, но всегда должно хотеть пить. Попробуйте этого винца. Ришон подставил свой стакан.

– Так вы уже поужинали, – продолжал Каноль, – поужинали с этим дрянным виконтом. Ах, извините, Ришон, я ошибаюсь. Он премилый малый, напротив, я обязан ему тем, что наслаждаюсь благами жизни, а без него я испускал бы дух двумя или тремя ранами, которые хотел нанести мне почтенный герцог д'Эпернон. Поэтому я благодарен хорошему виконту, прелестному Ганимеду. Ах, Ришон! Вы кажетесь мне именно тем, чем вас считают, то есть преданнейшим слугою принца Конде.

– Что вы, барон! – возразил Ришон, захохотав во все горло. – С чего вы это взяли! Вы уморите меня!

– Ну, все равно, я все-таки ненавижу вашего мальчишку виконта. Принимать участие в первом проезде дворянине! На что это похоже?

Каноль растянулся в кресле, захохотал и принялся крутить усы с таким непритворным смехом, что и Ришон увлекся его примером.

– Итак, любезный Ришон, говоря серьезно, вы пустились в интриги? В политику?

Ришон продолжал хохотать, но уже не так весело.

– Знаете ли, мне очень хотелось арестовать вас, вас и вашего маленького виконта! Черт возьми! Это было бы очень смешно, и притом легко. Мне могли помочь оруженосцы приятеля моего, герцога д'Эпернона. Ха! Ха! Ришон под караулом вместе с этим мальчишкой! Было бы над чем похихотать!

В эту минуту послышался топот двух удалявшихся лошадей.

– Что это такое, Ришон? – спросил Каноль, прислушиваясь. – Не знаете ли, что это такое?

– Не знаю, а догадываюсь.

– Так скажите.

– Виконт уехал.

– Не простясь со мною! – закричал Каноль. – Ну, он решительно дрянь!

– О, нет, любезный барон, он просто спешит.

Каноль нахмурил брови.

– Какое странное поведение! – сказал он. – Где воспитали этого мальчишка? Ришон, друг мой, уверяю, что он вредит вам. Нельзя между дворянами вести себя таким образом. Черт возьми! Если бы я мог догнать его, так пощупал бы ему уши! Черт возьми его глупого отца, который по скупости, вероятно, не дал ему учителя!

– Не сердитесь, барон, – отвечал Ришон с улыбкой, – виконт не так дурно воспитан, как вы воображаете, он, уезжая, поручил мне сказать вам, что он извиняется перед вами и низко кланяется.

– Хорошо, хорошо! – сказал Каноль. – Таким образом он превращает непростительную дерзость в маленькую неучтивость. Черт возьми! Я ужасно сердит. Поссорьтесь-ка со мною, Ришон. Что, не хотите? Позвольте... Ришон, друг мой, вы очень безобразны!

Ришон засмеялся.

– В таком расположении духа, барон, вы могли бы выиграть у меня сегодня вечером сто пистолей, если бы мы вздумали играть. Игра, как вам известно, покровительствует горю.

Ришон знал Каноль, знал, что отводит гнев барона, предлагая ему играть.

– Играть! – вскричал Каноль. – Именно так, давайте играть! Друг мой, ваше предложение мирит меня с вами. Ришон, вы человек приятный! Ришон, вы хороши, как Адонис, и я прощаю виконту Канбу. Касторин, дай нам карты!

Явился Касторин вместе с Бискарро, они поставили стол, и два друга сели играть. Касторин, уже двадцать лет изучавший игру, и Бискарро, жадно посматривавший на деньги, стали по сторонам стола и смотрели. Менее чем в час, несмотря на свое предсказание, Ришон выиграл у Каноль восемьдесят пистолей.

У Каноль в кошельке не было больше денег, он приказал Касторину достать еще из чемодана.

– Не нужно, – сказал Ришон, слышавший это приказание, – у меня нет времени дать вам реванш.

– Как! Нет времени?

– Теперь одиннадцать часов, а в двенадцать я непременно должен быть в карауле.

– Вы, верно, шутите? – спросил Каноль.

– Барон, – серьезно отвечал Ришон, – вы сами человек военный, стало быть, знаете дисциплину.

– Так что же вы не уехали прежде, чем выиграли у меня деньги? – сказал Каноль со смехом и с досадой.

– Уж не упрекаете ли вы меня за то, что я поучил вас? – спросил Ришон.

– Помилуйте, что вы! Однако же подумаем. Мне совсем не хочется спать, и мне будет чрезвычайно скучно. Если я предложу проводить вас, Ришон?

– Отказываюсь от этой чести, барон. Поручение, которое мне дано, должно быть исполнено без свидетелей.

– Хорошо! Но в какую сторону вы поедете?

– Я только что хотел просить вас не предлагать мне этого вопроса.

– А виконт куда поехал?

– Я должен ответить вам, что не знаю.

Каноль должен был посмотреть на Ришона, чтобы убедиться, что в этих неучтивых ответах вовсе нет желания оскорбить его. Его обезоружили добрый взгляд и откровенная улыбка верского коменданта.

– Что делать? – сказал Каноль. – Вы сегодня превратились с ног до головы в тайну, любезный Ришон, но каждому дается полная свобода. Мне самому назад тому три часа было бы очень неприятно, если бы меня преследовали, хотя мой преследователь был бы, наконец, столько же удивлен и раздосадован, сколько я сам. Ну, последний стакан вина, и доброго пути вам!

Каноль налил стаканы, Ришон, чокнувшись и выпив за здоровье барона, вышел, между тем как барону даже не пришлось в голову узнать, по какой дороге он поедет.

Барон остался один между полусгоревшими свечами, пустыми бутылками, разбросанными картами и почувствовал печаль, которую можно понять, только испытав ее. Вся веселость его в тот вечер основывалась на обманутой надежде, в потере которой он тщетно старался утешиться.

Он дотащился до своей спальни, посматривая сквозь окна коридора с сожалением и гневом на уединенный домик, в котором освещенное окно и тени, мелькавшие в нем, наглядно показывали, что Нанона Лартиг проводит вечер не так уединенно, как барон.

На первой ступеньке лестницы барон наступил на что-то. Он наклонился и поднял серенькую перчатку виконта, которую тот, спешно уезжая, уронил и не вздумал поднять, не считая ее драгоценностью.

Как ни были тяжелы мысли Каноля, простительные в минуту мизантропии, порожденной любовною неудачею в уединенном домике, положение Наноны было еще тяжелее.

Нанона беспокоилась и волновалась всю ночь, придумывая тысячу планов, как бы предупредить Каноля. Она употребила всю догадливость умной женщины, чтобы выпутаться из своего несносного положения. Надобно было украсть у герцога одну минуту, чтобы переговорить с Франсинеттой, или две минуты, чтобы написать Канолю одну строчку на клочке бумажки.

Но, казалось, герцог угадал ее мысли и прочел все беспокойство ее ума сквозь веселую маску, которою она прикрыла свое лицо, и поклялся не давать ей этой свободной минуты, которая, однако же, была ей так нужна.

У Наноны началась мигрень, герцог не позволил ей встать, встал сам и принес флакончик со спиртом.

Нанона уколола палец и хотела сама взять из своей шкатулки кусок розового пластыря, который начинал входить в славу уже в то время. Герцог, не устававший служить ей, встал, отрезал кусочек тафты с ловкостью, приводившею Нанону в отчаяние, и запер шкатулку ключом.

Тут Нанона притворилась, что спит крепким сном. Почти в то же время герцог захрапел. Нанона раскрыла глаза и при свете ночника, стоявшего на столике в алебастровой вазе, старалась вынуть записные таблетки герцога из его камзола, лежавшего возле постели и почти у ней под рукою. Но когда она взялась за карандаш и оторвала уже листок, герцог раскрыл глаза.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Я искала, нет ли календаря в ваших таблетках, – отвечала Нанона.

– А зачем?

– Мне хотелось знать, когда день ваших именин.

– Меня зовут Луи, и я именинник 24 августа, как вы знаете, стало быть, вы еще успеете приготовиться к этому дню, красавица моя.

Он взял таблетки из ее рук и положил их сам в камзол.

По крайней мере Нанона при этом удобном случае выиграла карандаш и бумагу. Она спрятала и то и другое под подушку и весьма ловко опрокинула ночник, надеясь, что можно будет писать письмо в темноте. Но герцог тотчас позвонил и громко позвал Франсинетту, уверяя, что не может спать без огня. Франсинетта прибежала прежде, чем Нанона успела написать половину фразы. Герцог, опасаясь, чтобы подобная беда не случилась во второй раз, приказал Франсинетте зажечь две свечи на камине. Тут Нанона объявила, что решительно не может спать при огне, и в лихорадочном раздражении повернулась к стене, ожидая дня с трепетом, который читатель легко поймет.

Свет, ожидаемый с таким трепетом, разлился наконец по верхушкам тополей. Герцог д'Эпернон, чванлившийся тем, что живет по всем правилам военной жизни, встал, увидав первый луч солнца, оделся один, чтобы ни на минуту не расставаться с милою своею Наноною, надел халат и позвонил, желая узнать, нет ли чего нового.

Франсинетта отвечала на его вопрос кучею депеш, которые ночью привез Куртово, любимый егерь герцога.

Герцог распечатал их и принялся читать одним глазом, а другим, которому старался придать как можно более нежности, беспрестанно смотрел на прелестную Нанону.

Нанона охотно растерзала бы герцога на куски.

– Знаете ли, – сказал герцог, прочтя несколько депеш, – что вы должны бы сделать?

– Нет, ваша светлость, – отвечала Нанона, – но если вы прикажете, так все будет исполнено.

– Вы послали бы за вашим братом, – продолжал герцог. – Я, кстати, получил из Бордо важные известия, и он мог бы тотчас же отправиться с депешою в Париж. После возвращения я мог бы дать ему чин, о котором вы просите.

Лицо герцога выражало самую непритворную, искреннюю нежность.

«Ну, надобно не бояться! – подумала Канона. – Может быть, Каноль по глазам моим догадается или поймет мои намеки».

Потом сказала громко:

– Пошлите за ним сами, любезный герцог.

Она понимала, что если она сама вздумает исполнить это поручение, то герцог не допустит ее послать письмо к Канолу.

Д'Эпернон позвал Франсинетту и послал ее в гостиницу «Золотого Тельца», сказав ей только:

– Скажи барону Канолу, что Нанона Лартиг ждет его к завтраку.

Нанона пристально посмотрела на служанку, но, хотя взгляд ее был очень красноречив, однако же Франсинетта не могла прочесть в нем целой фразы: «Скажи Канолу, что я сестра его».

Франсинетта вышла, поняв, что тут есть что-то неладное, даже очень опасное.

Между тем Нанона стала за стулом герцога так, что первым взглядом могла показать Канолу, что надобно остерегаться, и занялась приготовлением хитрой фразы, которая могла бы высказать вдруг барону все, что ему нужно знать, чтобы не испортить предстоящего семейного трио.

Она могла видеть всю дорогу до того угла, где накануне герцог прятался со своими людьми.

– А, – сказал вдруг герцог, – вот возвращается наша Франсинетта.

И уставил глаза на Нанону. Она принуждена была отвернуться от окна и отвечать на вопросительный взгляд герцога.

Сердце Наноны билось так сильно, что грудь у ней заболела, она видела только Франсинетту, а ей хотелось видеть Каноля и прочесть на лице его что-нибудь успокоительное.

Раздались шаги на лестнице: герцог приготовил улыбку гордую и вместе с тем дружескую. Нанона старалась не покраснеть и приготовилась к битве.

Франсинетта постучала в дверь.

– Войдите! – сказал герцог.

Нанона приготовила знаменитую фразу, которою хотела приветствовать Каноля.

Дверь отворилась, Франсинетта вошла одна. Нанона заглядывала в переднюю жадными взорами, в передней никого не было.

– Сударыня, – сказала Франсинетта с непоколебимою ловкостью сценической субретки, – барона Каноля уже нет в «Золотом Тельце».

Герцог нахмурил брови.

Нанона подняла голову и вздохнула.

– Как, – сказал он, – барона Каноля уже нет в гостинице «Золотого Тельца»?

– Ты, верно, ошибаешься, – прибавила Нанона.

– Сударыня, – отвечала Франсинетта, – я повторяю вам слова самого Бискарро.

– Он, верно, все угадал, милый Каноль! – прошептала Нанона. – Он так же умен, так же ловок, как храбр и красив лицом.

– Сейчас же позвать сюда этого Бискарро! – закричал герцог с досадой.

– Я думаю, – поспешно прибавила Нанона, – он узнал, что вы здесь, и не хотел беспокоить вас. Он так скромн, бедный Каноль.

– Он скромн! – возразил герцог. – Но, кажется, ему создали не такую репутацию.

– Нет, сударыня, – осмелилась прибавить служанка, – барон действительно уехал.

– Но позвольте спросить, – сказал д'Эпернон, – каким образом барон мог испугаться меня, когда Франсинетте поручено было пригласить его от вашего имени? Ты, стало быть, сказала ему, что я здесь? Да отвечай же, Франсинетта!

– Я ничего не могла сказать ему, ваша светлость, потому что его там не было.

Несмотря на этот ответ Франсинетты, высказанный с быстротою откровенности и истины, герцог, по-видимому, стал подозревать еще более. Нанона не могла уже говорить от радости.

– Прикажите мне идти за Бискарро? – спросила служанка.

– Разумеется, непременно, – отвечал герцог грубым голосом. – Или нет, погоди. Ты останешься здесь, потому что, может статься, понадобится своей госпоже, а я пошлю туда Куртово.

Франсинетта вышла. Через пять минут Куртово постучался в дверь.

– Ступай к хозяину «Золотого Тельца», – сказал герцог, – и приведи его сюда, мне нужно переговорить с ним. Скажи, чтобы он захватил с собою карту завтрака. Дай ему эти десять луи, чтобы завтрак был получше. Ступай!

Куртово подставил полу платья, получил деньги и тотчас вышел для исполнения полученного приказания.

Он был лакей, всегда живший в хороших домах и знавший свое ремесло превосходно. Он пошел к Бискарро и сказал ему:

– Я уговорил герцога заказать вам лучший завтрак, он дал мне восемь луидоров. Естественно, я оставляю два себе за комиссию, а вот вам остальные шесть. Пойдемте поскорее.

Бискарро, дрожа от радости, перепоясал чистый фартук, положил шесть луидоров в карман и, пожав руку Куртово, отправился вслед за егерем, который повел его скорым маршем к уединенному домику.

На этот раз Нанона перестала трусить: уверенность Франсинетты совершенно успокоила ее, ей даже очень хотелось потолковать с Бискарро.

Его ввели в комнату тотчас, как он пришел.

Бискарро вошел, франтовски засунув фартук за пояс, с колпаком в руке.

– У вас вчера остановился молодой дворянин, барон де Каноль, – спросила Нанона. – Где он?

– Да, где он? – прибавил герцог.

Бискарро начал беспокоиться, потому что шесть луидоров, данные ему егерем, заставляли его догадываться, что он имеет дело с важным вельможею. Поэтому он сначала отвечал с замешательством:

– Он уехал.

– Уехал? – повторил герцог. – В самом деле уехал?

– Точно уехал.

– А куда? – спросила Нанона.

– Этого я не могу сказать вам, сударыня, потому что, право, сам не знаю.

– Вы, по крайней мере, знаете, по какой дороге он поехал?

– По Парижской.

– А в котором часу выехал он? – спросил герцог.

– В полночь.

– И ничего не приказывал? – боязливо спросила Нанона.

– Ничего, он только оставил письмо, поручив мне отдать его Франсинетте.

– А отчего не отдал ты этого письма, дурак? Так-то ты уважаешь приказание дворянина.

– Я уже отдал, давно отдал.

– Фраксинетта! – закричал герцог с гневом. Франсинетта, слушавшая у дверей, одним прыжком перелетела из передней в спальню.

– Почему ты не отдала госпоже своей письмо, которое оставил ей барон Каноль?

– Я думала... ваша светлость... – шептала горничная в страхе.

«Ваша светлость! – подумал испуганный Бискалло, скрываясь в угол спальни. – Ваша светлость... Это, верно, какой-нибудь переодетый принц».

– Да я у ней не успела спросить его, – возразила Нанона, побледнев.

– Дай! – закричал герцог, протягивая руку.

Бедная Франсинетта медленно подала письмо, обращаясь к госпоже своей со взглядом, который хотел сказать: «Вы сами видите, я ни в чем не виновата, дурак Бискалло все испортил».

Молнии заблестали в глазах Наноны и полетели к Бискалло.

Несчастный потел страшно и отдал бы все шесть луидоров за то, чтобы стоять у своей печи и держать в руках какую-нибудь кастрюлю.

Между тем герцог взял письмо, развернул и прочитал его. Пока он читал, Нанона стояла бледная и холодная, как мрамор, она чувствовала, что в ней живо только одно сердце.

– Что значит это маранье? – спросил герцог.

Из этих слов Нанона поняла, что письмо не может повредить ей.

– Прочтите вслух. Может быть, я могу объяснить вам его, – сказала она.

Герцог прочел:

«Милая Нанона!»

Тут он повернулся к ней, она оправилась от испуга и могла вынести его взгляд с удивительно храбростью.

Герцог продолжал:

«Милая Нанона!

Пользуясь отпуском, которым обязан вам, я для развлечения поскачу в Париж. До свидания, прошу не забыть похлопотать о моем счастье».

– Да он сумасшедший, этот Каноль!

– Почему же? – спросила Нанона.

– Разве можно уезжать так, в полночь, без всякой причины? – сказал герцог.

«Да, правда», – подумала Нанона.

– Ну, объясните же мне его отъезд!

– Ах, боже мой, – отвечала Нанона с очаровательной улыбкой, – нет ничего легче, ваша светлость.

– И она называет его светостью! – прошептал Бискалло. – Решительно, он принц.

– Что же? Говорите!

– Вы сами не догадываетесь?

– Нет, нимало!

– Ведь Каноль только двадцать семь лет, он молод, хорош и беспечен. Какой глупости дает он предпочтение? Разумеется, любви. Он, верно, видел у Бискалло какую-нибудь хорошенькую путешественницу и тотчас поскакал за нею.

– Влюблен! Вы так думаете? – вскричал герцог в восторге от мысли, что если Каноль влюблен в другую, так, верно, не влюблен в Нанону.

– Да, разумеется, он влюблен. Не так ли, Бискалло? – сказала Нанона, радуясь, что герцог соглашается с ее мыслью. – Ну, отвечайте откровенно: не так ли, я угадала правду?

Бискалло вообразил, что настала благоприятная минута подслужиться молодой даме, поддакивая ей. Он улыбнулся, разинув огромный рот, и сказал:

– Действительно, вы, может быть, правы.

Нанона подвинулась на шаг к трактирщику и невольно вздрогнула.

– Не так ли? – сказала она.

– Кажется, сударыня, что именно так. Да, сударыня, вы раскрыли мне глаза.

– Ах, расскажите нам все это, господин Бискарро! – вскричала Нанона, предаваясь первым подозрениям ревности, – говорите, какие путешественницы останавливались вчера в вашей гостинице?

– Рассказывайте, – прибавил герцог, разваливаясь в кресле и протягивая ноги.

– Путешественниц не было, – сказал Бискарро.

Нанона вздохнула.

– Останавливался, – продолжал трактирщик, не подозревая, что каждое его слово падало, как свинец, на сердце Наноны, – останавливался только молодой дворянин, белокурый, хорошенький, полный, который не ел, не пил и боялся ехать ночью... Дворянин боялся ехать ночью, – прибавил Бискарро, лукаво покачивая головою, – вы изволите понимать...

– Ха! Ха! Ха! Прекрасно! – закричал герцог.

Нанона отвечала на его хохот скрежетом зубов.

– Продолжайте, – сказала она трактирщику. – Вероятно, дворянчик ждал Каноль?

– Нет, он ждал к ужину высокого господина с усами и даже довольно грубо обошелся с бароном Канолем, когда этот хотел ужинать с ним, но храбрый барон не струсил от такой малости. Он, кажется, отчаянный человек, после отъезда высокого господина, поехавшего направо, он поскакал за маленьким, уехавшим налево.

При этом странном заключении Бискарро, видя веселое лицо герцога, позволил себе начать такой громкий смех, что стекла в окнах задрожали.

Герцог, совершенно успокоенный, верно, поцеловал бы почтенного Бискарро, если бы трактирщик был из дворян. Между тем бледная Нанона с судорожною и холодною улыбкою слушала каждое слово Бискарро с тем страшным вниманием, которое заставляет ревнивых выпить чашу яда до дна.

Наконец она спросила:

– Что заставляет вас думать, что этот дворянин – переодетая женщина, что барон Каноль влюблен в нее и что он поехал в Париж не для одного развлечения, не от одной скуки?

– Что заставляет меня думать? – повторил Бискарро, непременно хотевший передать свое убеждение слушателям. – Позвольте, сейчас скажу.

– Говорите, говорите, любезный друг, – сказал герцог, – вы в самом деле очень забавны.

– Ваша светлость слишком добры, – отвечал Бискарро. – Извольте послушать.

Герцог превратился в слух.

Нанона сжала кулаки.

– Я ничего не подозревал и просто принял белокурого дворянина за мужчину, как вдруг встретил барона Каноль на лестнице. Левою рукою он держал свечу, а правую – перчатку и смотрел, и нюхал ее с любовью.

– Ха! Ха! Ха! Чудо, чудо! – закричал герцог, становившийся все веселее по мере того, как переставал бояться за себя.

– Перчатку! – повторила Нанона, стараясь вспомнить, не оставила ли она подобного залога любви в руках своего друга. – Какая перчатка? Не такая ли?

– Нет, – отвечал Бискарро, – перчатка была мужская.

– Мужская! Станет барон Каноль с любовью рассматривать мужскую перчатку! Ах, Бискарро, вы сошли с ума!

– Нет, перчатка принадлежала белокурому господину, который не ел, не пил и боялся ехать ночью, премаленькая перчатка, куда едва ли вошла бы ваша ручка, сударыня, хотя ручка у вас крошечная.

Нанона простонала, как будто ей нанесли невидимую рану.

– Надеюсь, – сказала она с чрезвычайным усилием, – что теперь вы довольны, и ваша светлость знает все, что хотел знать.

Стиснув зубы, с дрожащими губами, она указала пальцем на дверь, но изумленный Бискарро, заметив гнев на лице молодой женщины, ничего не понимал и оставался на одном месте, раскрыв глаза и рот.

Он подумал:

«Если отсутствие барона доставляет им такое неудовольствие, то возвращение его покажется счастьем. Польщу этому благородному вельможе сладкой надеждой, чтобы у него аппетит был лучше».

Вследствие такого соображения Бискарро принял самый грациозный вид и, ловко выставив правую ногу вперед, сказал:

– Барон уехал, но ежеминутно может воротиться.

Герцог улыбнулся при этом открытии.

– Правда, – сказал он, – точно правда? Может быть, он даже воротился. Подите-ка посмотрите, господин Бискарро, и дайте мне ответ.

– А завтрак-то, – сказала Нанона. – Мне очень хочется есть, я голодна.

– Дело, – отвечал герцог, – я пошлю туда Куртово. Гей, Куртово, ступай в гостиницу господина Бискарро и осведомься, не воротился ли барон де Каноль. Если его там нет, так разуй и поищи в окрестностях. Мне очень хочется завтракать с ним, ступай!

Куртово ушел, а Бискарро, заметив беспокойное молчание обоих хозяев дома, хотел было опять начать говорить.

– Разве вы не видите, что госпожа моя дает вам знак уйти? – сказала ему Франсинетта.

– Позвольте, позвольте! – вскричал герцог. – Вот и вы, Нанона, теряетесь в свою очередь! А где же завтрак? Мне так же хочется есть, как и вам, меня мучит голод. Подойдите, господин Бискарро, прибавьте вот эти шесть луи к прежним: они даются вам за приятную историю, которую вы нам рассказали.

Потом он приказал историку превратиться в повара. Поспешим сказать, что Бискарро столько же отличился во второй должности, сколько и в первой.

Между тем Нанона обдумала и рассмотрела положение, в которое ее поставило известие почтенного Бискарро. Во-первых, верно ли это известие? А во-вторых, если оно даже верно, не следует ли извинить Каноль? В самом деле, какая жестокая обида ему, храброму дворянину, это несостоявшееся свидание! Какая ему обида – шпионство герцога д'Эпернона и необходимость присутствовать при торжестве соперника! Нанона была так влюблена, что приписывала его бегство припадку ревности и не только извиняла Каноль, но даже жалела о нем; она даже радовалась, что он любит ее так сильно, что решился на маленькое мщение. Но, однако же, надо вырвать зло с корнем, остановить эту любовь в самом ее начале.

Но тут страшная мысль поразила Нанону, как громом.

Что, если встреча Каноль и переодетой дамы просто свидание!

Но нет, она тотчас успокоилась: переодетая дама ждала высокого мужчину с усами, грубо обошлась с Канолем, да и сам Каноль узнал, какого пола незнакомец, только по маленькой перчатке, найденной случайно.

Все равно, все-таки надобно остановить Каноль.

Тут, вооружась всем своим мужеством, она воротилась к герцогу, который только что отпустил Бискарро, осыпав его похвалами и наделив приказаниями.

– Как жаль, – сказала она, – что ветренность несносного Каноль помешает ему воспользоваться честью, которой вы хотели удостоить его! Если бы он был здесь, вся его будущность устроилась бы, но его нет, и он может потерять всю карьеру.

– Но, – возразил герцог, – если мы его отыщем...

– О, этого не может быть, ведь дело идет о женщине. Он не вернется.

– Что же прикажете мне делать? Как помочь горю? – отвечал герцог. – Молодые люди ищут веселья, он молод и веселится.

– Но я постарше его и порассудительнее и полагаю, что следовало бы оторвать его от этого несвоевременного веселья.

– Какая сердитая сестрица!

– В первую минуту он может сетовать на меня, – продолжала Нанона, – но впоследствии, уж верно, будет благодарить.

– Ну так говорите, что вы хотите делать? Если у вас есть какой-нибудь план, так я готов исполнить его, говорите!

– Разумеется, есть.

– Так говорите.

– Вы хотели послать его к королеве с важным известием?

– Хотел, но ведь его нет.

– Пошлите за ним вдогонку, он едет по Парижской дороге, тут уж половина дела сделана.

– Вы совершенно правы.

– Поручите все дело мне, и Каноль получит ваши приказания сегодня вечером или завтра утром, не позже. Отвечаю вам за успех.

– Но кого послать?

– Вам нужен Куртово?

– Нисколько.

– Так отдайте мне его, и я его отправлю к Канолью с моим поручением.

– Какая дипломатическая голова! Вы далеко пойдете, Нанона! – сказал герцог.

– Только бы вечно учиться у такого превосходного учителя, больше я ничего не желаю.

Она обняла старого герцога, а тот вздрогнул от радости.

– Какую чудесную шутку сыграем мы с нашим селадомом! – сказала она.

– И рассказывать будет весело!

– Я сама хотела бы поехать за ним, чтобы видеть, как он примет посланного.

– К несчастью, или, лучше сказать, к счастью, это невозможно, и вам надобно остаться со мною.

– Пожалуй, но не будем терять времени. Извольте писать вашу депешу, герцог, и отдавайте Куртово в мое распоряжение.

Герцог взял перо и на листочке бумаги написал только эти два слова:

«Бордо – нет».

Потом подписал свое имя.

На конверте этой лаконической депеши он надписал:

«Ее величеству королеве Анне Австрийской, правительнице Франции».

В то же время Нанона написала две строчки и показала их герцогу.

Вот они:

«Любезный барон!

Вы видите здесь депешу к королеве. Отдайте немедленно, дело идет о спасении отечества.

Ваша преданная сестра Нанона».

Нанона складывала записку, когда на лестнице послышались быстрые шаги. Куртово отворил дверь с веселым лицом человека, который принес нетерпеливо ожидаемое известие.

– Вот барон Каноль, я встретил его очень близко отсюда, – сказал егеря.

Герцог вскрикнул от приятного изумления.

Нанона побледнела, бросилась в дверь и прошептала:

– Верно, такова уж моя судьба!

В эту минуту в дверях показалось новое лицо, одетое в великолепный костюм, со шляпою в руках и улыбавшееся с самодовольным видом.

VIII

Если бы гром разразился над Наною, это не столько бы поразило ее, сколько удивило это неожиданное появление. Она невольно с глубокою горестью вскрикнула в испуге:

– Опять он!

– Да, я, милая моя сестрица, – отвечал гость нежным голосом. – Но извините, – прибавил он, увидав герцога, – может быть, я беспокою вас.

И он до земли поклонился гиеннскому губернатору, который отблагодарил его ласковым жестом.

– Ковиньяк! – прошептала Нанона так тихо, что слово это, казалось, вылетело из ее сердца, а не из уст.

– Добро пожаловать, барон де Каноль, – сказал герцог с веселою улыбкою, – ваша сестра и я говорим только о вас со вчерашнего вечера и со вчерашнего вечера желаем видеть вас.

– А, вы желали видеть меня! В самом деле? – сказал Ковиньяк, обращая на Нанону взгляд, в котором выражались ирония и сомнение.

– Да, – отвечала Нанона, – герцогу захотелось, чтобы я представила вас ему.

– Только из опасения обеспокоить вас не добивался я этой чести раньше, – сказал Ковиньяк, низко кланяясь герцогу.

– Да, барон, – отвечал герцог, – я удивлялся вашей деликатности, но все-таки упрекаю вас за нее.

– Меня, герцог, меня хотите упрекать за деликатность!

– Да, если бы ваша добрая сестра не занялась вашими делами...

– А... – сказал Ковиньяк, с красноречивым упреком взглянув на сестру. – А, сестра моя занялась делами...

– Да, делами брата, – подхватила Нанона, – что же тут особенно удивительного?

– И сегодня кому обязан я удовольствием видеть вас? – спросил герцог.

– Да, – подхватил Ковиньяк, – кому ваша светлость обязаны удовольствием видеть меня?

– Кому? Разумеется, одному случаю, только случаю, который воротил вас.

«Ага, – подумал Ковиньяк, – я, должно быть, уезжал».

– Да, вы уехали, несносный брат, – сказала Нанона, – и написали мне две строчки, они еще более увеличили мое беспокойство.

– Что же делать, милая Нанона? – сказал герцог. – Надобно прощать влюбленных.

«Ого, дело запутывается! – подумал Ковиньяк. – Я, должно быть, влюблен».

– Ну, – сказала Нанона, – признавайтесь, что вы влюблены.

– Пожалуй, не отказываюсь, – отвечал Ковиньяк с глупой улыбкой и стараясь узнать сколько-нибудь правды, чтобы сказать потом большую ложь.

– Хорошо, хорошо, – прервал герцог, – однако же пора завтракать. Вы расскажете нам, барон, про ваши интриги за завтраком. Франсинетта, подай прибор барону Канолу. Вы еще не завтракали, капитан, надеюсь?

– Нет еще, ваша светлость, и должен даже признаться, что утренний воздух придал мне удивительный аппетит.

– Скажите лучше, ночной воздух, потому что вы всю ночь провели на большой дороге.

«Черт возьми! – подумал Ковиньяк. – Мой зять на этот раз угадал чудесно».

Потом прибавил вслух:

– Пожалуй, извольте, соглашусь, воздух ночной...

– Пойдемте же, – сказал герцог, подавая руку Наноне и переходя в столовую с Ковиньяком. – Вот тут довольно работы для вашего желудка, как бы он ни был взыскателен.

Действительно, Бискаarro превзошел самого себя: блюд было немного, но все они были отборные и приготовлены превосходно. Белое гиенское вино и красное бургонское выливалось из бутылок, как жемчуг и как рубин.

Ковиньяк ел за четверых.

– Брат ваш ест чудесно! – сказал герцог. – А вы не кушаете, Нанона?

– Мне уже не хочется есть.

– Милая сестрица! – вскричал Ковиньяк. – Ведь удовольствие видеть меня отняло у ней аппетит. Право, мне досадно, что она так любит меня!

– Возьмите кусочек рябчика, Нанона, – сказал герцог.

– Отдайте его моему брату, герцог, – отвечала Нанона. Она заметила, что тарелка Ковиньяка быстро пустеет, и боялась, что он опять начнет смеяться, когда кушанье исчезнет.

Ковиньяк подставил тарелку и улыбнулся самым благодарным образом. Герцог положил ему на тарелку кусок рябчика, а Ковиньяк поставил перед собою тарелку.

– Ну, что же вы поделываете, Каноль? – спросил герцог с такою милостивою кротостью, которая показалась Ковиньяку чудесным предзнаменованием. – Разумеется, я говорю не о любовных делах.

– Напротив того, говорите о них, ваша светлость, говорите, сколько вам угодно, не церемоньтесь, – отвечал Ковиньяк, которому частые приемы медака и шамбертена развязали язык. Впрочем, он не боялся появления барона Канолья, что редко случается с теми, кто принимает на себя чужое имя.

– Ах, герцог, – сказала Нанона, – он очень хорошо понимает шутку!

– Так мы можем потолковать с ним об этом молоденьком дворянине, – сказал герцог.

– Да, о том мальчике, которого вы встретили вчера, братец, – прибавила Нанона.

– Да, на дороге, – сказал Ковиньяк.

– И потом в гостинице Бискаarro, – прибавил герцог д'Эпернон.

– Да, потом в гостинице Бискаarro, – сказал Ковиньяк, – это сушая правда.

– Так вы в самом деле с ним встретились? – спросила Нанона.

– С мальчиком?

– Да.

– Каков он был? Ну, говорите откровенно, – сказал герцог.

– По правде сказать вам, – отвечал Ковиньяк, – он был премилый малый: белокурый, стройный, прелестный, ехал с каким-то конюхом.

– Именно так, – сказала Нанона, кусая губы.

– И вы влюблены в него?

– В кого?

– В этого прेमилго малого, белокурого, стройного и прелестного?

– Что это значит, ваша светлость? – спросил Ковиньяк, готовясь рассердиться. – Что хотите вы сказать?

– Что? У вас до сих пор хранится на сердце серенькая перчатка? – спросил герцог, лукаво улыбаясь.

– Серенькая перчатка?

– Да, та самая, которую вы так страстно нюхали и целовали вчера вечером.

Ковиньяк уже ничего не понимал.

– Та перчатка, которая заставила вас догадаться, понять пре-вра-ще-ние... – продолжал герцог, останавливаясь на каждом слове.

Ковиньяк по одному этому слову понял все.

– А, этот мальчик был дама? – вскричал он. – Ну, даю вам честное слово, что я угадал эту шутку!

– Теперь уже нет сомнения, – прошептала Нанона.

– Налейте мне вина, сестрица, – сказал Ковиньяк. – Не знаю, кто опустошил бутылку, которая стояла возле меня, но в ней уже нет ничего.

– Хорошо, хорошо! – сказал герцог. – Есть еще возможность вылечить его, если любовь не мешает ему ни есть, ни пить. Государственные дела не пострадают от такой любви.

– Как! Чтобы от любви моей пострадали дела короля? Никогда! Дела короля прежде всего! Дела короля – вещь священная! Не угодно ли за здоровье короля, ваша светлость!

– Можно надеяться на вашу преданность, барон?

– На мою преданность?

– Да.

– Разумеется, можно. Иногда я готов позволить изрезать себя на куски...

– И это очень просто, – перебила Нанона, боясь, что в восторге от медака и шамбертена Ковиньяк забудет свою роль и воротится к своей личности. – И это очень просто. Разве вы не капитан войск его королевского величества по милости герцога?

– И никогда этого не забуду, – отвечал Ковиньяк с изумительным душевным волнением, положив руку на сердце.

– Мы и не то сделаем после, – сказал герцог, – а что-нибудь побольше.

– Покорнейше благодарю!

– И мы уже начали.

– В самом деле?

– Да. Вы слишком скромны, друг мой, – возразил герцог д'Эпернон. – Когда вам нужна будет протекция, надобно обратиться ко мне. Теперь, когда вам не нужно ходить окольную дорогою, когда вам уже не нужно скрываться, когда я знаю, что вы брат Наноны...

– Теперь, – вскричал Ковиньяк, – я всегда буду относиться прямо к вашей светлости!

– Вы обещаете?

– Даю слово.

– Прекрасно сделаете. Между тем сестра объяснит вам, о чем мы теперь хлопочем: она должна отдать вам письмо от меня. Может быть, все счастье ваше зависит от поручения, которое я даю вам по ее просьбе. Попросите совета у сестры вашей, молодой человек, попросите у нее совета: она умна, осторожна и чрезвычайно добра. Любите сестру вашу, барон, и будьте уверены, что я всегда буду к вам милостив.

– Ваша светлость, – вскричал Ковиньяк с непритворною радостью, – сестра моя знает, как я люблю ее, как я желаю видеть ее счастливою, славною и особенно... богатою!

– Ваш пыл нравится мне, – сказал герцог, – так останьтесь с Наноной, а я пойду и займусь одним мерзавцем. Но, кстати, барон, – прибавил герцог, – может статься, вы можете дать мне какие-нибудь сведения об этом бандите?

– Охотно, – отвечал Ковиньяк. – Только мне знать, о каком бандите вы говорите. В наше время их очень много и они разных сортов.

– Вы совершенно правы, этот чрезвычайно дерзок, подобного я еще не видывал.

– В самом деле!

– Представьте, этот мерзавец взамен письма, которое писала вам вчера сестра и которое он достал гнусным убийством, выманил у меня бланк.

– Бланк, в самом деле?

Потом Ковиньяк прибавил простодушно:

– Но зачем же вам было нужно это письмо, посланное сестрою к брату?

– Да я не знал родства.

– Это другое дело.

– И притом имел глупость, – простите ли меня, милая Нанона, – прибавил герцог, подавая ей руку, – имел глупость ревновать вас.

– Вы ревновали? В самом деле? Ах, ваша светлость! Как вам не стыдно!

– Так я хотел спросить у вас, не знаете ли вы, кто был доносчик в этом деле?

– Нет, право, не знаю... Но ваша светлость понимает, что подобные дела не остаются без наказания и что вы со временем узнаете преступника.

– Да, разумеется, узнаю со временем, – отвечал герцог, – и для этого я принял свои меры, но мне было бы гораздо приятнее узнать теперь.

– Так вы приняли меры? – спросил Ковиньяк, слушая обоими ушами. – Вы приняли меры?

– Да, да, – продолжал герцог, – и мерзавец будет очень счастлив, если его не повесят за его бланк.

– Ого! – сказал Ковиньяк. – А каким образом узнаете вы этот бланк от прочих бланков, которые вы даете, ваша светлость?

– На этом сделана заметка.

– Какая?

– Для всех незаметная, но я узнаю ее посредством химической операции.

– Чудесно! – сказал Ковиньяк. – Вы поступили чрезвычайно остроумно в этом случае, но смотрите, остерегитесь, он, может быть, догадается.

– О, этого нельзя опасаться. Кто может сказать ему об этой заметке?

– И то правда, – отвечал Ковиньяк, – Нанона не скажет, я тоже не скажу.

– И я тоже, – прибавил герцог.

– И вы не скажете. Вы совершенно правы: когда-нибудь вы узнаете имя человека и тогда...

– И тогда, так как я буду уже квит с ним, потому что он получит за бланк все, чего пожелает, тогда я прикажу повесить его.

– Прекрасно! – вскричал Ковиньяк.

– А теперь, – продолжал герцог, – если вы не можете дать мне сведения о нем...

– Нет, право, не могу.

– Так я оставляю вас с сестрою. Нанона, растолкуйте ему мое поручение хорошенько, особенно постарайтесь, чтобы он не терял времени.

– Будьте спокойны.

– Прощайте!

Герцог нежно простился рукою с Наноной, дружески кивнул ее брату и спустился с лестницы, обещая воротиться в тот же день.

– Черт возьми! – сказал Ковиньяк. – Добрый герцог хорошо сделал, что предупредил меня... Право, он не так глуп, как кажется. Но что буду я делать с его бланком? Попробую продать его как вексель...

Нанона воротилась и заперла дверь.

– Теперь, – сказала она брату, – потолкуем, как исполнить приказание герцога д'Эпернона.

– Да, милая сестрица, – отвечал Ковиньяк, – потолкуем, ведь я только для этого и пришел сюда. Но чтобы удобнее разговаривать, надобно сесть. Сделайте одолжение, сядьте, прошу вас.

Ковиньяк подвинул стул и показал Наноне, что стул готов для нее.

Нанона села и нахмурила брови, что не предвещало ничего хорошего.

– Во-первых, – начала Нанона, – почему вы не там, где вам следует быть?

– Ах, милая сестрица, вот это совсем не любезно с вашей стороны. Если бы я был там, где мне следует быть, то не был бы здесь, и вы не имели бы удовольствия видеть меня.

– Ведь вы хотели поступить в аббаты?

– Нет, я не хотел. Скажите лучше, что особы, принимающие участие во мне, и особенно вы, желали этого. Но я лично никогда не чувствовал особенного влечения к этому званию.

– Однако же вас так воспитывали.

- Да, и я воспользовался этим воспитанием.
- Не шутите так бессовестно!
- Я и не думаю шутить, прелестная сестрица. Я только рассказываю. Слушайте, вы отправили меня в Ангулем, в монастырь, чтобы я учился.
- И что же?
- Ну, я и выучился. Я знаю по-гречески, как Гомер, по-латыни, как Цицерон, а теологию, как Иоанн Гусс. Когда я все выучил, то перешел, все по вашему же желанию, к кармелитам в Руан.
- Вы забываете сказать, что я обещала вам ежегодную пенсию в сто пистолей и сдержала данное слово. Сто пистолей для кармелита, кажется, очень довольно.
- Совершенно согласен с вами, милая моя сестрица, но под предлогом, что я еще не кармелит, монахи постоянно получали пенсию вместо меня.
- Если это и правда, то ведь вы поклялись жить всегда в бедности?
- И поверьте мне, что я в точности исполнил клятву: трудно было найти человека беднее меня.
- Но вы ушли от кармелитов?
- О да! Наука сгубила меня, я был слишком учен, милая моя сестрица.
- Что это значит?
- Между кармелитами, которые вовсе не слынут Эразмами и Декартами, я считался чудом, разумеется, чудом учености. Когда герцог Лонгвиль приехал в Руан просить город склониться на сторону парламента, меня отправили приветствовать герцога речью. Я исполнил поручение так красноречиво и удачно, что герцог был невыразимо доволен и спросил у меня, не хочу ли я быть его секретарем. Это случилось именно в ту минуту, как я хотел постричься.
- Да, я это помню, и даже под предлогом, что хотите проститься с миром, вы просили у меня сто пистолей, и я доставила вам их прямо в собственные ваши руки.
- И только эти сто пистолей я и видел, клянусь вам честью дворянина.
- Но вы должны были отказаться от света.
- Да, я точно хотел отказаться, но судьба распорядилась иначе: она, верно, хотела определить мне другое поприще, послав мне предложение герцога Лонгвиля. Я покорился решению судеб и, признаюсь вам, до сих пор не раскаиваюсь.
- Так вы уже не кармелит?
- Нет, по крайней мере, теперь, милая сестрица. Не смею сказать вам, что никогда не ворочусь в монастырь, потому что какой человек может сказать вечером: я сделаю завтра то-то. Господин Ренсе основал орден Трапистов. Может быть, я последую его примеру и изобрету что-нибудь новенькое. Но теперь я попробовал военное ремесло. Оно сделало меня человеком светским и нечистым, но при первом удобном случае я постараюсь очиститься.
- Вы военный! – сказала Нанона, пожав плечами.
- Почему же нет? Не скажу вам, что я Дюнуа, Дюгесклен, Баяр, рыцарь без страха и упрека. Нет, я не так горд, сознаюсь, что заслуживаю кое-какие упреки, и не спрошу, как знаменитый Сфорца, что такое страх. Я человек, и как говорит Плавт: *Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto*, то есть я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Поэтому я трус, сколько человеку позволено быть трусом, что не мешает мне при случае быть очень храбрым. Когда меня принуждают, я довольно порядочно действую шпагой и пистолетом. Но по природе истинное мое призвание – дипломатическое поприще. Или я очень ошибаюсь, милая Нанона, или я буду великим политиком. Политическое поприще прекрасно. Посмотрите на Мазарини: он пойдет далеко, если его не повесят. Видите ли, я то же самое, что Мазарини. Зато и боюсь только одного: чтобы меня не повесили. По счастью, я могу надеяться на вас, милая Нанона, и эта мысль придает мне бодрости и отваги.
- Так вы военный?

– И кроме того, придворный в случае нужды. Ах! Мое пребывание у герцога Лонгвиля много послужило мне в пользу.

– Чему же вы там учились?

– Тому, чему можно выучиться у такого человека: выучиться воевать, интриговать, изменять.

– И к чему это привело вас?

– К самому блестящему положению.

– Которое вы не умели удержать за собою?

– Что ж делать? Ведь даже и принц Конде потерял свое место. Нельзя управлять событиями. Милая сестрица! Каков бы я ни был, я управлял Парижем!

– Вы?

– Да, я.

– Сколько времени?

– Час и три четверти, по самому верному счету.

– Вы управляли Парижем?

– Как настоящий король.

– Как это случилось?

– Очень просто. Вы знаете, что коадьютор господин Гонди, то есть аббат Гонди...

– Знаю, знаю!

– Был полным властелином столицы. В это самое время я служил герцогу д'Эльбефу. Он лотарингский принц, и нет стыда служить принцу. Ну, в то время герцог был во вражде с коадьютором. Поэтому я произвел восстание и взял в плен...

– Кого? Кoadьютора?

– Нет, не его, я не знал бы, что с ним делать, и был бы в большом затруднении. Нет, я взял в плен его приятельницу герцогиню де Шеврез.

– Какой ужас! – вскричала Нанона.

– Не правда ли, какой ужас! У аббата Гонди приятельница! И я подумал то же самое. Поэтому я решился похитить ее и отвезти так далеко, чтобы он никогда не мог видетсья с ней. Я сообщил ему свое намерение, но у этого человека всегда такие доводы, что против них никак не устоишь. Он предложил мне тысячу пистолей.

– Бедная женщина! За нее торговались!

– Помилуйте! Напротив, это должно быть ей очень приятно. Это доказало ей, как ее любит господин Гонди.

– Так вы богаты?

– Богат ли я?

– Да, можно разбогатеть таким грабежом.

– Ах, не говорите мне об этом, Нанона, мне как-то не везет! Служанка герцогини, которую никто не думал выкупать и которая поэтому осталась у меня, растратила все мои деньги.

– По крайней мере, надеюсь, вы сохранили дружбу тех, кому служили против коадьютора?

– Ах! Нанона, как видно, вы еще вовсе не знаете людей! Герцог д'Эльбеф помирился с аббатом Гонди. В договоре, который они заключили между собой, мною пожертвовали. Поэтому я нашел вынужденным брать жалованье от Мазарини, но Мазарини величайший скаред. Он не соразмерял наград с моими услугами, и я был принужден предпринять новое восстание в честь советника Брюсселя, имевшее целью истребить канцлера Сегье. Но мои люди, неловкие дураки, истребили его только наполовину. В этой схватке я подвергался самой страшной опасности, какой не видывал во всю жизнь. Маршал Мельере выстрелил в меня из пистолета в двух шагах. По счастью, я успел наклониться, пуля просвистела над моею головою, и знаменитый маршал убил какую-то старуху.

- Какая куча подлостей!
- Нет, милая сестрица, это уже необходимая принадлежность междоусобной войны.
- Теперь все понимаю: человек, способный на такие подвиги, мог сделать то, что вы сделали вчера.
- Что же я сделал? – спросил Ковиньяк с самым невинным видом.
- Вы осмелились лично обманывать такого важного человека, как герцог д’Эпернон! Но вот чего я не понимаю, вот чего не могу представить себе: чтобы брат, осыпанный моими благодеяниями, мог хладнокровно задумать погубить сестру свою.
- Я хотел погубить сестру?.. Я хотел?.. – спросил Ковиньяк.
- Да, вы, – отвечала Нанона. – Мне не нужно было ваших рассказов, которые показывают, что вы на все способны: я и без них узнала почерк письма. Вот, смотрите: не станете ли уверять, что не вы писали эту безымянную записку?
- Раздраженная Нанона показала брату донос, который герцог отдал ей накануне.
- Ковиньяк прочел его, не смущаясь.
- Ну что же, – сказал он, – почему вы недовольны этим письмом? Неужели вам кажется, что оно нехорошо сочинено? В таком случае мне жаль вас, видно, что вы не занимаетесь литературой.
- Дело идет не о слоге письма, а о его содержании. Вы или не вы писали его?
- Разумеется, я. Если бы я хотел скрываться, так изменил бы свой почерк. Но это было совершенно бесполезно: я никогда не имел намерений прятаться от вас. Я даже очень желал, чтоб вы узнали, что письмо писано мною.
- О, – прошептала Нанона с видимым отвращением, – вы сознаетесь!
- Да, милая сестрица, я должен сказать вам, что меня подстрекала месть.
- Месть!
- И самая естественная.
- Мстить мне, несчастный! Да подумайте хорошенько о том, что вы говорите! Что я вам сделала, какое зло? Как мысль мстить мне могла прийти вам в голову?
- Что вы мне сделали? Ах, Нанона, поставьте себя на мое место! Я оставляю Париж, потому что у меня было там много врагов: такое несчастье случается со всеми политическими людьми. Я адресуюсь к вам, молю о помощи. Что, не помните? Вы получили три письма. Вы скажете, что не узнали моего почерка, он совершенно похож на ту руку, которою писана безымянная записка, притом же все три письма были подписаны мною. Я пишу к вам три письма и прошу в каждом сто несчастных пистолей! Только сто пистолей, а у вас миллионы! Это сушая бездельница, но вы знаете, сто пистолей моя обыкновенная цифра. И что же? Сестра отказывает мне. Я сам лично являюсь, сестра не принимает меня. Разумеется, я стараюсь разведать, что это значит. Может быть, думаю я, она сама находится в затруднительном положении, настала минута доказать ей, что ее благодеяния пали не на бесплодную землю. Может быть даже, она не свободна, в таком случае следует простить ей. Видите, сердце мое искало средств извинить вас, и тут-то узнал я, что сестра моя свободна, счастлива, богата, миллионерша и что барон Каноль, чужой человек, пользуется моими правами и получает покровительство вместо меня. Тут зависть свела меня с ума.
- Скажите лучше, жадность к деньгам. Вы продали меня герцогу д’Эпернону, как продали герцогиню де Шеврез коадьютору. Какое вам дело, спрашиваю вас, заботиться, в каких я отношениях с бароном Канолем?
- Мне? Ровно никакого! И я не подумал бы беспокоить вас, если бы вы продолжали хоть какие-нибудь сношения со мною.
- Знаете ли, что вы погибнете, если я скажу герцогу одно слово, если поговорю с ним откровенно?
- Знаю.

– Вы сейчас сами слушали от него самого, какую участь он готовит тому, кто выманил у него этот бланк.

– Не говорите мне об этом, я весь дрожал, и мне нужно было употребить всю мою душевную силу, чтобы не показать, до какой степени я смутился.

– И вы не опасаетесь?

– Нет, ничего не опасаясь. Откровенное признание показало бы, что барон Каноль не брат ваш, и слова вашей записки, писанные не постороннему человеку, получат не совсем чистое значение, какое вы теперь им придали, неблагодарная сестра, не смею сказать слепая, потому что хорошо знаю вас. Подумайте только, как много выгод выходит из этой минутной распри с герцогом, которая приготовлена моими трудами. Во-первых, вы находились в страшном затруднении и дрожали при мысли, что явится барон Каноль, который, не будучи предупрежден, страшно испортил бы вам семейный роман. Напротив, я явился и все спас. Теперь брат ваш не тайна. Герцог д'Эпернон усыновил его, и, надобно признаться, самым нежным образом. Теперь брату вашему уже не нужно прятаться, он принадлежит к семейству, теперь вы можете переписываться, видаться с ним вне дома и даже у себя в доме. Только смотрите, предупредите брата вашего с черными глазами и волосами, чтобы герцог д'Эпернон никогда не видал его лицо. Ведь все плащи схожи между собою, и когда герцог увидит, что от вас выходит плащ, кто скажет ему, чей это плащ, – брата или постороннего человека? Теперь вы свободны, как воздух. Только, желая услужить вам, я переменил имя. Вы должны бы поблагодарить меня!

Измученная Нанона не знала, как возражать на этот поток слов, выражение самого страшного бесстыдства.

Зато Ковиньяк, пользуясь своею победою, продолжал не останавливаясь:

– Даже, любезная сестрица, теперь, когда мы соединились после долгой разлуки, когда после многих переворотов вы нашли настоящего брата, признайтесь, что с этой минуты вы будете спать спокойно под щитом, которым любовь прикроет вас. Вы будете спать так спокойно, как будто вся Гиенна обожает вас, когда вы знаете, напротив, что здесь вас не терпят, но здешняя провинция поневоле покорится тому, чего мы захотим. В самом деле, я буду жить у вашего порога, герцог произведет меня в полковники, вместо шести человек у меня будет их две тысячи. С этими двумя тысячами я возобновлю воспоминание о двенадцати подвигах Геркулеса. Меня назначат герцогом и пэром, герцогиня д'Эпернон умирает, герцог женится на вас.

– Но прежде всего этого – два условия, – сказала Нанона строгим голосом.

– Какие, милая сестрица? Извольте говорить, я готов слушать вас.

– Во-первых, вы возвратите герцогу бланк, потому что эта бумага может погубить вас. Вы слышали: он сам своими устами произнес приговор. Во-вторых, вы сейчас же уйдете отсюда, потому что можете погубить меня, что для вас ничего не значит, но и вы погибнете вместе со мною. Хоть это, может быть, побудит вас подумать о моей гибели.

– Даю ответ на каждый пункт: бланк принадлежит мне, как неотъемлемая собственность, и вы не можете запретить мне идти на виселицу, если мне так заблагорассудится.

– Как хотите!

– Покорно благодарю. Но будьте спокойны: этого никак не будет. Я сейчас говорил вам, какое отвращение чувствую к такому роду смерти. Стало быть, бланк останется у меня, но, может быть, вам угодно купить его, в таком случае мы можем переговорить и поторговаться.

– Он мне не нужен! Важная вещь бланк! Я сама выдаю их!

– Счастливая Нанона!

– Так вы оставляете его?

– Непременно.

– Не боясь ничего?

– Не беспокойтесь, я знаю, как сбыть его с рук. Что же касается приказанья выйти отсюда, – я не решусь на такую ошибку, потому что я здесь по приказу герцога. Скажу еще, что, желая избавиться от меня поскорее, вы забываете самое важное.

– Что такое?

– То важное поручение, о котором говорил мне герцог и которое должно осчастливить меня.

Нанона побледнела.

– Несчастный, – сказала она, – ведь вы знаете, что не вы должны исполнить это поручение. Вы знаете, что употребить ваше положение во зло – значит совершить преступление, такое преступление, которое рано или поздно навлечет на вас казнь.

– Да я и не хочу употреблять его во зло, хочу только воспользоваться им.

– Притом же в депеше написано, что оно поручается барону Канолю.

– А меня разве зовут не так?

– Да, но при дворе знают не только его имя, но и его лицо. Канолю часто бывал при дворе.

– Ну, согласен, вот это замечание дельное. С тех пор как мы толкуем, в первый раз вы правы, и видите, я тотчас соглашаюсь с вами.

– Притом же вы найдете там ваших политических врагов, – прибавила Нанона. – Да, может быть, и ваше лицо там столько же известно, сколько и лицо Каноля, только в другом смысле.

– О, это бы ничего не значило, если бы поручение, как уверял герцог, действительно имело целью спасение Франции. Поручение избавило бы посланного от бед. Такая важная услуга влечет за собою помилование, и прощение за прошедшее есть всегда первое условие всякого политического превращения. Итак, поверьте мне, милая сестрица, не вы можете предлагать мне условия, а я вам.

– Что же это за условия?

– Во-первых, как я вам сейчас говорил, первое условие всякого трактата – всепрощение.

– А еще?

– Уплата по счетам.

– Так я вам еще должна?

– Вы должны мне сто пистолей, которые я просил у вас и в которых вы изволили отказать мне так бесчеловечно.

– Вот вам двести.

– Бесподобно! Теперь я узнаю вас, Нанона.

– Но с условием.

– Что такое?

– Вы поправите зло, которое сделали.

– Совершенно справедливо. Что же я должен делать?

– Сейчас садитесь на лошадь и отправляйтесь по Парижской дороге, и скачите без отдыха, пока не догоните барона Каноля.

– И тогда я расстанусь с баронским титулом?

– Возвратите его барону.

– А что сказать ему?

– Отдайте ему вот эту депешу и уверьтесь, что он поехал в Париж.

– Все тут?

– Больше ничего.

– Нужно ли ему знать, кто я?

– Напротив, очень нужно, чтобы он этого не знал.

– Ах! Нанона, неужели вам стыдно за брата?

Нанона не отвечала. Она задумалась.

– Но, – сказала она через несколько времени, – каким образом могу я увериться, что вы исполните мое поручение в точности? Если бы вы считали что-нибудь священным, так я попросила бы клятвы.

– Сделайте лучше.

– Что такое?

– Обещайте мне сто пистолей, если я в точности исполню ваше поручение.

Нанона пожала плечами.

– Согласна, – сказала она.

– Посмотрите, – отвечал Ковиньяк. – Я не требую с вас никакой клятвы, довольствуюсь одним вашим словом. Так мы условливаемся, что вы отдадите сто пистолей тому, кто доставит вам расписку Каноля, разумеется, от моего имени?

– Хорошо, но вы говорите о третьем лице: неужели вы не хотите сами воротиться?

– Как знать будущее? Важное дело призывает меня самого в окрестности Парижа.

Нанона не могла скрыть движения радости, которое вырвалось у ней невольно.

– А вот это совсем не мило, – сказал Ковиньяк, засмеявшись. – Но мне все равно, милая сестрица. Мы расстаемся друзьями?

– Друзьями. Но поезжайте скорей!

– Сейчас же отправлюсь в путь. Только позвольте выпить стакан вина на дорогу.

Ковиньяк вылил в свой стакан последнее вино из бутылки шамбертена, выпил, поклонился сестре чрезвычайно почтительно, вскочил на лошадь и через минуту исчез в облаке пыли.

IX

Луна выходила на горизонт, когда виконт в сопровождении верного своего Помпея выехал из гостиницы почтенного Бискарро и пустился скакать по Парижской дороге.

Около четверти часа виконт предавался своим мыслям. В это время проехали почти полторы мили. Наконец виконт повернулся к своему конюху, который шагах в трех сзади ехал вслед за своим господином.

– Помпей, – сказал он, – не к тебе ли как-нибудь попала моя перчатка с правой руки?

– Кажется, нет.

– Что ты делаешь там с чемоданом?

– Смотрю, крепко ли он привязан, и затягиваю ремни, чтобы золото в нем не стучало. Звуки золота не доводят до добра, сударь, и притягивают неприятные знакомства, особенно ночью.

– Ты прекрасно делаешь, Помпей. Я радуюсь, видя твое старание и благоразумие.

– Это очень простые достоинства в старом солдате, виконт, и они очень хорошо идут к храбрости. Однако же, не считая храбрость безрассудною отвагою, признаюсь, очень жалею, что господин Ришон не мог проводить нас: ведь трудно уберечь двадцать тысяч ливров, особенно в наше бурное время.

– Ты говоришь очень благоразумно, Помпей, – отвечал виконт, – и я совершенно с тобою согласен.

– Осмелюсь даже прибавить, – продолжал Помпей, видя, что виконт поощряет его трусость, – осмелюсь прибавить, что неблагоразумно так отваживаться, как мы. Позвольте мне подъехать к вам и осмотреть мой мушкетон.

– Ну, Помпей?..

– Мушкетон в порядке, и кто осмелится остановить нас, тому будет плохо. Ого, что там такое?

– Где?

– Да перед нами, шагах в ста, тут, направо...

– Что-то белое.

– Ого, – сказал Помпей, – что-то белое! Верно, перевязь! Мне очень хочется отправиться сюда налево, за забор, говоря военным термином, занять позицию. Не занять ли нам позиции, виконт?

– Если это перевязи, Помпей, так нет беды, ведь перевязи носят только королевскими солдатами, а королевские солдаты не грабят.

– Извините, виконт, вы очень ошибаетесь. Напротив, везде рассказывают о мерзавцах, которые прикрываются мундиром королевских войск и совершают множество преступлений. Недавно еще в Бордо четвертовали двух конноегерей, которые... Мне кажется, я узнаю конноегерский мундир...

– Помилуй, помилуй, у конноегерей мундир синий, а мы видим что-то белое.

– Точно так, но часто они надевают белые блузы сверх мундира. Так сделали и разбойники, четвертованные в Бордо... Вот эти что-то сильно размахивают руками и грозят... Такая уж у них тактика, виконт: они становятся на большой дороге и издали, с карабином в руках, принуждают несчастного путешественника бросать им кошелек.

– Но, добрый мой Помпей, – возразил виконт, который сохранил еще присутствие духа, хотя сам порядочно испугался, – если они грозят издали карабином, так и ты погрози им.

– Да, но они не видят меня, – отвечал Помпей, – стало быть, моя угроза бесполезна.

– Но если они тебя не видят, так не могут и грозить тебе. Так мне кажется.

– Вы ровно ничего не понимаете в военном деле, – сказал Помпей с заметной досадой. – Вот здесь будет со мною то же самое, что случилось в Корбии.

– Надеюсь, что нет, Помпей. Ведь кажется, при Корбии тебя ранили?

– Точно так, и ранили страшно. Я ехал тогда с господином Канбом, бесстрашным человеком. Мы пустились в ночные разъезды для рекогносцировки поля, где намеревались дать сражение. Мы издали увидели перевязи. Я прошу его не предаваться бесполезной отваге, а он ведет прямо на перевязи. С досады я повернулся спиной. В эту минуту проклятая пуля... Ах, виконт, прошу вас, будем благоразумны!

– Пожалуй, Помпей, будем благоразумны. Я вполне с тобою согласен. Однако же мне кажется, что перевязи вовсе не двигаются.

– Они чуют добычу. Подождем.

По счастью, путешественники ждали недолго. Через минуту луна вышла из-за черной тучи и великолепно осветила шагах в пятидесяти от виконта две или три рубашки, которые сушились на заборе с растянутыми рукавами.

В этом-то заключались перевязи, напоминавшие Помпею его бедствие при Корбии.

Виконт громко захохотал и пустил лошадь в галоп. Помпей поскакал за ним, приговаривая:

– Какое счастье, что я не исполнил первой моей мысли – я хотел выстрелить в эту сторону и был бы похож на Дон Кихота. Видите, виконт, как полезны благоразумие и знание войны!

После сильного волнения человек всегда успокаивается на некоторое время. Проскакав мимо рубашек, путешественники наши проехали два лье довольно спокойно. Погода была бесподобная, широкая и черная тень падала от леса на одну сторону дороги.

– Решительно я не люблю лунного света, – сказал Помпей. – Когда человек виден изда- лека, его легко поймать врасплох. Я всегда слышал от старых солдат, что если два человека ищут один другого, то луна покровительствует только одному. Мы в большом, самом ярком свете, виконт, это неблагоприятно.

– Так поедem в тени.

– Да, но если воры спрятались на опушке леса, так мы сами бросимся в их пасть... Во время похода никогда не подходят к лесу, не разведав его.

– По несчастью, у нас нет передового отряда. Не так ли называют тех, кто разузнает дорогу, мой добрый и храбрый Помпей?

– Точно так, точно так, – шептал старый слуга. – Ах, зачем Ришон не поехал с нами? Мы послали бы его вместо авангарда, а сами составили бы главный корпус.

– Ну, что же, Помпей, на что мы решились? Останемся ли на лунном свете? Или переберемся в тень?

– Переедем в тень, виконт. Это кажется мне самым благоразумным.

– Пожалуй.

– Вы боитесь, виконт?

– Нет, любезный Помпей, уверяю тебя, нет.

– И напрасно бы стали вы бояться, ведь я здесь и берегу вас. Если бы я был один, вы понимаете, так ничего бы не опасался. Старый солдат и черта не боится. Но вы такой товарищ, которого уберечь еще труднее, чем сокровище, лежащее у меня за седлом. Эта двойная ответственность пугает меня. Ага! Что там за черная тень? Ну, ясно, что она движется!

– Не спорю, – сказал виконт.

– Видите ли, что значит быть в тени: мы видим врага, а он нас не видит. Не кажется ли вам, что этот злодей несет ружье?

– Да. Но этот человек один, а нас двое.

– Виконт, кто ходит один, тот еще страшнее: уединение показывает решительность характера. Знаменитый барон Дезадре ходил всегда один... Ай, смотрите, он, кажется, целится в нас... Он сейчас выстрелит, наклонитесь!

– Да, нет, Помпей, он только переложил мушкет с одного плеча на другое.

– Все равно наклонимся, выдержим выстрел, припав к луке, уж так принято.

– Но ты видишь, что он не стреляет.

– А, он не стреляет, – сказал Помпей, приподнимая голову. – Хорошо! Он, верно, испугался, увидав наши решительные лица. Ага! Он боится. Так позвольте мне переговорить с ним, а потом вы начнете говорить, только густым басом.

Тень приближалась. Помпей громко закричал:

– Гей, дружище! Кто ты?

Тень остановилась в видимом испуге.

– Ну, теперь вы извольте кричать, – сказал Помпей.

– Зачем? – спросил виконт. – Разве ты не видишь, что бедняк дрожит?

– А, он боится! – вскричал Помпей и бросился вперед, приподняв карабин.

– Помилуйте, сжальтесь! – вскричал незнакомец, становясь на колени. – Сжальтесь! Я бедный деревенский разносчик. Вот уже более недели, как я не продал ни одного платка, и при мне вовсе нет денег!

Аршин, которым бедный разносчик мерил товары, показался Помпею мушкетом.

– Узнай, друг мой, – величественно сказал Помпей, – что мы не грабители, а люди военные и путешествуем ночью, потому что ничего не боимся. Ступай, ты свободен.

– Вот, друг мой, – прибавил виконт ласковым своим голосом, – вот тебе полпистоля за то, что мы напугали тебя, и желаю счастливого пути!

Виконт белой маленькою ручкою подал деньги бедняку, который ушел, благодаря небо за такую счастливую встречу.

– Вы напрасно это сделали, виконт. Да, напрасно вы это сделали, – сказал Помпей минут через двадцать.

– Да что такое?

– Зачем дали вы денег этому человеку? Ночью никогда не должно показывать, что у вас есть деньги. Помните, этот трус прежде всего закричал, что при нем вовсе нет денег?

– Правда, помню, – сказал виконт с улыбкой. – Но ведь он трус, как ты говоришь, а мы напротив того, как ты видишь, храбрые, военные люди и ничего не боимся.

– Между бояться и быть осторожным, виконт, такое же огромное расстояние, какое между трусостью и неблагоразумием. Извольте видеть, повторяю, неблагоразумно показывать незнакомому человеку, встретившемуся на большой дороге, что у вас есть деньги.

– Но когда незнакомец один и без оружия?

– Он может принадлежать к вооруженной шайке, он может быть шпионом, посланным вперед для разузнания местности, он может вернуться с целой толпой. А что могут сделать два человека, как бы они ни были храбры, против толпы?

Виконт на этот раз признал упреки Помпея справедливыми или, чтобы скорее избавиться от упреков, согласился с ним. В это время они приехали к речке Се близ Сен-Жене.

Моста не было, следовало переправиться вброд.

Помпей при этом случае мастерски изложил виконту теорию переправы через реки. Но теория не мост, и все-таки следовало переправиться вброд.

По счастью, река была неглубока, и это новое обстоятельство показало виконту, что препятствия, на которые смотришь издали и ночью, кажутся не такими страшными, когда посмотришь на них вблизи.

Виконт начинал совершенно успокаиваться, потому что дело подходило к рассвету, как вдруг наши путешественники остановились, проехав половину леса, окружающего Марзас. Они услышали за собою очень явственно топот нескольких лошадей.

В это же время их собственные лошади подняли головы и одна из них заржала.

– На этот раз, – сказал Помпей дрожащим голосом, хватая лошадь виконта за узду, – на этот раз, надеюсь, вы послушаетесь меня и вполне предоставите распоряжаться старому опытному солдату. Я слышу топот конного отряда: нас преследуют. И видите ли, это, верно, шайка вашего ложного разносчика: я говорил вам это, вам, неосторожный! Теперь не нужно излишней отваги, спасем жизнь и деньги. Бегство часто единственный путь к победе. Гораций притворился, что он бежит...

– Так обратимся в бегство скорей, – сказал виконт, дрожа всем телом.

Помпей сильно прищпорил свою лошадь, превосходного руанского коня. Конь рванулся вперед с усердием, которое увлекло лошадь виконта, копыта их гремели по мостовой и выбивали искры из камней.

Так скакали они с полчаса, но путешественникам казалось, что враги все приближаются.

Вдруг в темноте раздался голос. Соединясь со свистом вихря, производимого бегом коней наших всадников, он казался зловещею угрозою злого духа.

От этого голоса седые волосы Помпея стали дыбом.

– Они кричат: «стой!»! – прошептал он. – Слышите, они кричат нам: «стой!»!

– Ну что же, надобно ли останавливаться? – спросил виконт.

– Как можно! – вскричал Помпей. – Поскачем вдвое скорее, если можно. Вперед! Вперед!

– Да, да, вперед, скорей, скорей! – кричал виконт, на этот раз столько же испугавшийся, сколько и его вожатый.

– Они приближаются, приближаются! – сказал Помпей. – Что, слышите?

– Да, да!

– Их более тридцати! Чу, они опять зовут нас. Ну, мы решительно погибли!

– Замучим лошадей, если нужно, – сказал виконт, едва переводя дыхание.

– Виконт! Виконт! – кричал голос. – Остановитесь! Остановитесь! Остановись, старый дурак!

– Ах, они знают нас, они знают, что мы везем деньги к принцессе, они знают, что мы участвуем в заговоре: нас будут колесовать живых!

– Остановите! Остановите! – кричал голос.

– Они кричат, чтобы нас остановили! – продолжал Помпей. – У них впереди есть сообщники, мы окружены со всех сторон!

– А если мы бросимся в сторону, в поле, и они проскачут мимо нас?

– Превосходная мысль! – сказал Помпей. – В сторону!

Оба всадника повернули лошадей влево. Лошадь виконта удачно перескочила через ров, но тяжелый конь Помпея стал на край рва, земля не выдержала его тяжести, и он рухнул вместе со всадником. Бедный Помпей отчаянно закричал.

Виконт, уже отскакавший шагов на пятьдесят, услышал стоны слуги и, хотя сам дрожал всем телом, повернул лошадь и поспешил на помощь товарищу.

– Прошу пощады! – кричал Помпей. – Сдаюсь военнопленным. Я принадлежу виконту де Канбу.

Громкий хохот отвечал на эти жалобные вопли. Виконт, подъехав к Помпею в эту минуту, увидел, что храбрец целует стремя победителя, который старался успокоить несчастного голосом ласковым, сколько позволял ему хохот.

– Барон де Каноль! – закричал виконт.

– Да, разумеется, я сам. Нехорошо, виконт, заставлять так скакать людей, которые вас ищут.

– Барон де Каноль! – повторил Помпей, сомневаясь еще в своем счастье. – Барон де Каноль и господин Касторин!

– Разумеется, мы, господин Помпей, – отвечал Касторин, приподнимаясь на стременах и поглядывая через плечо своего господина, который от хохота наклонился к луке. – Да что вы делали во рву?

– Вы видите! – отвечал Помпей. – Лошадь моя упала в ту самую минуту, как я хотел укрепиться и, принимая вас за врагов, намеревался сразиться с вами отчаянно!

Встав и отряхнувшись, Помпей прибавил:

– Ведь это барон Каноль, виконт!

– Как, вы здесь, барон? – спросил виконт с радостью, которая против его воли выражалась в его голосе.

– Да, я здесь, – отвечал барон, не сводя глаз с виконта. (Это упорство объясняется найденною в гостинице перчаткою.) – Мне стало до смерти скучно в трактире, Ришон уехал от меня, выиграв мои деньги. Я знал, что вы поехали по Парижской дороге. По счастью, у меня в Париже есть дела, и я поскакал догонять вас. Я никак не воображал, что мне придется так измучиться. Черт возьми, виконт, вы удивительно ездите верхом!

Виконт улыбнулся и прошептал два-три слова.

– Касторин, – продолжал Каноль, – помоги Помпею сесть на лошадь. Ты видишь, что он никак не может сесть, несмотря на всю свою ловкость.

Касторин сошел с лошади и подал руку Помпею, который наконец попал в седло.

– Ну, теперь поедем, – сказал виконт.

– Позвольте только одну минуту, – начал Помпей с заметным смущением, – мне кажется, у меня чего-то недостает.

– Да, и мне тоже кажется, – сказал виконт, – у тебя недостает чемодана.

– Ах! Боже мой! – прошептал Помпей, притворяясь очень удивленным.

– Несчастный! – вскричал виконт. – Неужели ты потерял...

– Он недалеко, – отвечал Помпей.

– Да вот не он ли? – спросил Касторин, поднимая чемодан с трудом.

– Да, да! – вскричал виконт.

– Да, да! – повторил Помпей.

– Но он не виноват, – сказал Каноль, желая приобрести дружбу старого слуги, – во время падения ремни оборвались, и чемодан свалился.

– Ремни не оборвались, а отрезаны, – возразил Касторин. – Извольте посмотреть.

– Ага, Помпей! Что это значит? – спросил Каноль.

– Это значит, – сказал виконт строгим голосом, – что Помпей, опасаясь преследования воров, ловко отрезал ремни, чтобы избавиться от ответственности за казначейство. Каким военным термином называется такая хитрость, Помпей?

Помпей оправдывался тем, что неосторожно вынул охотничий нож. Но поскольку он не мог дать удовлетворительного объяснения, то остался в сильном подозрении, будто хотел пожертвовать чемоданом ради собственной безопасности.

Каноль показал себя не столь строгим.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – подобные вещи часто случаются, но привяжите-ка чемодан. Гей, Касторин, помоги Помпею. Ты был совершенно прав, Помпей, когда боялся воров, чемодан у вас полновесный, и от него никто бы не отказался.

– Не шутите, сударь, – сказал Помпей, вздрогнув, – всякая ночная шутка приносит беду.

– Ты совершенно прав, Помпей, всегда прав, поэтому-то я хочу проводить виконта и тебя: конвой из двух человек не покажется вам лишним!

– Разумеется, нет! – вскричал Помпей. – Чем больше людей, тем безопаснее.

– А вы, виконт, что думаете о моем предложении? – спросил Каноль, замечая, что виконт не так ласково, как его слуга, принимает учтливое предложение барона.

– Я вижу, – отвечал виконт, – ваше обычное благорасположение и от души благодарю вас. Но мы едем не по одной дороге, и я боюсь, что обеспокою вас, если приму предложение.

– Как? – сказал смущенный Каноль, видя, что спор, начатый в гостинице, продолжится и на большой дороге. – Как, мы едем не по одной дороге? Разве вы едете не...

– В Шантильи! – поспешно отвечал Помпей, задрожав при мысли, что ему, может быть, придется продолжать путь одному с виконтом.

Что же касается виконта, то он вздрогнул с досады, и если бы было светло, то на лице его увидели бы краску гнева.

– Очень хорошо! – сказал Каноль, притворяясь, что не замечает гневных взглядов, которые виконт бросал на бедного Помпея. – Очень хорошо, ведь и я тоже еду в Шантильи. Я еду в Париж или, лучше сказать, – прибавил он с улыбкой, обращаясь к виконту, – мне нечего делать, и я сам не знаю, куда еду. Если вы едете в Париж, так и я в Париж. Если вы едете в Лион, так и я поеду в Лион. Если вы едете в Марсель, мне очень давно хочется посмотреть Прованс, так и я поеду в Марсель. Если вы едете в Стене, где стоит армия его величества короля, поедем в Стене. Хотя я родился на юге, но всегда особенно любил север.

– Милостивый государь, – отвечал виконт с твердостью, которой, вероятно, был обязан своей досаде, – говорить ли вам откровенно? Я путешествую один, по собственным делам величайшей важности, по причинам чрезвычайно серьезным, и простите меня, если вы будете настаивать в просьбе, я буду принужден сказать вам, что вы мне мешаете.

Только воспоминание о перчатке, которую Каноль спрятал на груди между камзолом и сорочкою, могло удержать барона, вспыльчивого и пылкого, но он не показал досады.

– Милостивый государь, – возразил он серьезно, – мне никто никогда не сказывал, что большая дорога принадлежит одному человеку, а не всем. Ее называют даже, если я не ошибаюсь, королевским путем, в доказательство, что все подданные его величества равно могут ею пользоваться. Стало быть, я нахожусь на королевском пути вовсе без намерения мешать вам: я даже могу помочь вам, потому что вы молоды, слабы и почти без всякой защиты. Мне кажется, я вовсе не похож на вора. Но если вы думаете обо мне иначе, я должен пожалеть о моем несчастном лице. Простите, что я обеспокоил вас, милостивый государь. Честь имею раскланяться! Доброго пути!

Каноль, поворотив лошадь на другую сторону дороги, поклонился виконту. Касторин поехал за ним. Помпей всею душою желал быть с ними.

Каноль разыграл эту сцену с такою грациозною учтивостью, так ловко надел широкую свою шляпу на красивый лоб, окаймленный черными лоснящимися волосами, что виконт был поражен его благородным поступком и еще более его красотою.

Каноль переехал на другую сторону дороги, как мы уже сказали. Касторин отправился за ним. Помпей, оставшись наедине с виконтом, вздыхал так, что мог бы растрогать камни на дороге. Наконец виконт, много думавший, поехал в ту же сторону и, подъехав к Канолью, который притворился, что не видит и не слышит его, сказал едва слышным голосом только эти два слова:

– Барон Каноль!

Каноль вздрогнул и обернулся: радость разлилась по его жилам; ему казалось, что все гармонические звуки неземных областей соединились и дают ему концерт.

– Виконт! – сказал он в свою очередь.

– Послушайте, милостивый государь, – начал виконт ласковым и сладким голосом, – я боюсь, что был очень неучтив с таким достойным вельможею, как вы, простите мою застенчивость. Я воспитывался у родителей, которые из нежной любви ко мне боялись за меня беспре-

станно. Повторяю вам, простите меня, я вовсе не имел намерения оскорбить вас, а в доказательство искреннего нашего примирения позвольте мне ехать возле вас.

– Помилуйте, – вскричал Каноль, – не только позволяю, но даже прошу... Я не злопамятен, виконт, и в доказательство...

Он подал ему руку, в которую упала мягкая, нежная ручка виконта.

Остальную часть ночи провели в веселом разговоре. Барон говорил, виконт постоянно слушал и иногда улыбался.

Лакеи ехали позади. Помпей объяснял Касторину, почему Корбийское сражение было потеряно, между тем как его можно было выиграть, если бы не забыли позвать Помпея на военный совет, который собирался в тот день утром.

– Кстати, – сказал виконт Каноль, когда показались первые лучи солнца, – каким образом кончили вы дело с герцогом д'Эперноном?

– Дело было нетрудное, – отвечал Каноль. – Судя по словам вашим, виконт, он имел дело ко мне, а я не имел к нему никакого дела. Он или соскучился ждать меня и уехал, или упорствует в своем намерении и теперь еще ждет меня.

– А Нанона Лартиг? – спросил виконт нерешительно.

– Нанона не может быть вдруг и дома с герцогом д'Эперноном, и в гостинице «Золотого Тельца» со мною. От женщин нельзя требовать невозможного.

– Это не ответ, барон. Я спрашиваю, как вы, до безумия влюбленный в госпожу Лартиг, могли расстаться с нею?

Каноль взглянул на виконта и видел его очень ясно, потому что было уже светло, но на лице молодого человека уже не было видно досады.

Тут барону очень хотелось отвечать искренно, от души, но его удержало присутствие Помпея и Касторина и важный взгляд виконта. Притом его останавливало и сомнение, он думал:

«Ну, если я ошибаюсь... если, несмотря на перчатку и маленькую ручку, это мужчина? Придется умереть со стыда в случае ошибки».

Потому он удержался и отвечал на вопрос виконта одною из тех улыбок, которые на все отвечают.

Остановились в Барбзие позавтракать и дать лошадям отдых. На этот раз Каноль завтракал с виконтом и за завтраком восхищался тою ручкою, с которой надушенная перчатка привела его в такое сильное волнение. Кроме того, садясь за стол, виконт поневоле должен был снять шляпу и показать такие гладкие волосы, что всякий человек угадал бы, кто такой виконт. Всякий человек, говорим мы, кроме человека влюбленного, потому что влюбленные слепы. Но Каноль ужасно боялся проснуться и прекратить очаровательный сон свой. Он находил что-то прелестное в переодевании виконта. Это допускало его до самой приятной короткости, которая тотчас бы прекратилась, если бы последовало искреннее признание. Поэтому он не сказал виконту даже слова, которое могло бы показать, что его тайна открыта.

После завтрака опять пустились в дорогу и не сходили с лошадей до обеда. По временам усталость, которой виконт не мог уже сносить, выводила на лицо его синеватую бледность или заставляла его дрожать всем телом. В таких случаях Каноль дружески спрашивал, что с ним делается. Виконт де Канб тотчас поправлялся, улыбался. Казалось, переставал страдать, предлагал даже ехать скорее, но Каноль на это не соглашался под предлогом, что путь далек и что необходимо беречь лошадей.

После обеда виконт едва мог встать с места. Каноль бросился и помог ему.

– Вам непременно нужно отдохнуть, молодой друг мой, – сказал Каноль. – Если мы таким образом будем продолжать, то вы умрете на третьей станции. В эту ночь мы остановимся и отдохнем. Я хочу, чтобы вы спали спокойно, лучшая комната в гостинице будет отдана вам, уверяю вас жизнью.

Виконт с таким смущением смотрел на Каноль, что барон едва не расхохотался.

– Когда предпринимается такое долгое путешествие, как наше, – сказал Помпей, – то следовало бы брать по палатке на человека.

– Или по палатке на двоих, – сказал Каноль очень просто, – этого было бы достаточно.

Виконт задрожал.

Удар поразил метко, и Каноль заметил это: мимоходом он успел подсмотреть знак, поданный виконтом Помпею.

Помпей подошел к своему господину. Виконт сказал ему несколько слов на ухо, и скоро Помпей под каким-то предлогом поскакал вперед и исчез.

Часа через полтора после этой проделки, объяснения которой Каноль не думал спрашивать, путешественники наши, въехав в богатое селение, увидели Помпея на пороге порядочной гостиницы.

– А, – сказал Каноль, – кажется, мы здесь проведем ночь?

– Да, если вам угодно, барон.

– Помилуйте! Я согласен на все, что вам угодно. Я уже сказал вам, я путешествую просто для удовольствия, а вы, напротив, как изволили говорить мне, путешествуете по важным делам. Только я боюсь, что вам будет нехорошо в этом дрянном трактире.

– О, – возразил виконт, – ночь скоро пройдет!

Остановились. Помпей предупредил Каноль и помог своему господину сойти с лошади, притом же Каноль подумал, что такая услужливость мужчины перед женщиной может показаться смешною.

– Ну, скорей, где моя комната? – спросил виконт. Потом, повернувшись к Канолью, прибавил: – Вы совершенно правы, барон, я чрезвычайно устал.

– Вот ваша комната, сударь, – сказала трактирщица, указывая на довольно просторную комнату в нижнем этаже, выходящую окнами на двор. Окна были с решетками, а над комнатой красовались чердаки.

– А где же поместите меня? – спросил Каноль.

Он с жадностью посмотрел на дверь в соседнюю комнату, которая отделялась от комнаты виконта только тоненькою перегородкою, слабою преградою против такого сильного любопытства, какое испытывал барон Каноль.

– Ваша здесь, – отвечала трактирщица, – позвольте, я вас сейчас проведу туда.

И тотчас, не замечая неудовольствие Канолья, она повела его в конец коридора, в котором находилось множество дверей. Комната барона отделялась от комнаты виконта всем двором.

Виконт следил за ними глазами, стоя на пороге своей комнаты.

«Ну, теперь уж я не сомневаюсь в своем предположении, – подумал Каноль. – Я поступил как дурак, но если покажу неудовольствие, то погибну безвозвратно. Постараемся быть как можно учтивее».

И выйдя на конец коридора, он сказал:

– Прощайте, милый виконт, спите хорошенько, вы в самом деле нуждаетесь в покое. Угодно, я разбужу вас завтра? Не угодно, так вы разбудите меня, когда встанете. Желаю вам доброй ночи!

– Прощайте, барон! – отвечал виконт.

– Кстати, – продолжал Каноль, – не нужно ли вам чего-нибудь? Хотите, я пришлю сам Касторина, он поможет вам раздеться.

– Покорно благодарю, у меня есть Помпей, он спит возле моей комнаты, по соседству.

– Прекрасная предосторожность, я то же сделаю с Касторином. Преблагоразумная мера, не так ли, Помпей? Чем осторожнее в гостинице, тем лучше. Спокойной ночи, виконт.

Виконт отвечал таким же точно пожеланием, и дверь затворилась.

– Хорошо, хорошо, виконт, – прошептал Каноль, – завтра придет моя очередь приготовить квартиры, и я отмщу вам. Хорошо, – продолжал он, – он задергивает даже занавески, вешает за ними какую-то простыню, чтобы даже не видно было его тени. Черт возьми! Какая изумительная скромность! Но все равно, до завтра!

Каноль в дурном расположении духа вошел в свою комнату, лег спать с досадой и видел во сне, что Нанона нашла у него в кармане серенькую перчатку виконта.

Х

На другой день Каноль казался еще веселее, чем накануне. С другой стороны, и виконт де Канб предавался откровенной веселости. Даже Помпей смеялся, рассказывая свои походы Касторину. Все утро прошло как нельзя лучше.

За завтраком Каноль извинился и просил позволения расстаться на минуту с виконтом: ему нужно было написать длинное письмо одному из его друзей, жившему в окрестностях. В то же время Каноль объявил, что должен заехать к одному из своих приятелей, дом которого находится очень близко от Пуатье, почти на большой дороге.

Каноль спросил об этом доме у трактирщика. Ему отвечали, что он увидит этот дом возле селения Жоне и узнает его по двум башенкам.

В таких обстоятельствах Касторин должен был расстаться с обществом, чтобы отвезти письмо, а Каноль принужден был сам ехать вперед, поэтому виконта просили сказать наперед, где намерен он ужинать. Виконт взял дорожную карту, которую вез Помпей, и предложил селение Жоне. Каноль вовсе не противился этому предложению и был так коварен, что даже прибавил:

– Помпей, если тебя, как вчера, пошлют квартирмейстером, так постарайся, если можно, занять для меня комнату возле комнаты твоего господина, чтобы мы могли поговорить.

Хитрый Помпей взглянул на виконта и улыбнулся, решившись ни в коем случае не исполнять просьбы барона. Касторин, наперед уже принявший наставления, пришел за письмом и получил приказание быть вечером в Жоне.

Нельзя было ошибиться в гостинице: в Жоне была только одна гостиница – «Великого Карла Мартела».

Пустились в дорогу. Шагах в пятистах от Пуатье, где обедали, Касторин поехал по проселочной дороге вправо. Потом еще два часа ехали дальше, наконец, по несомненным признакам, Каноль узнал дом своего друга, показал его виконту, простился с юным другом, повторил Помпею приказание о своей комнате и поехал по проселочной дороге налево.

Виконт совершенно успокоился, о вчерашней разлуке не было сказано ни слова, и весь день прошел без малейших намеков, стало быть, виконт уже не боялся, что Каноль станет противиться его желаниям. А с той минуты, как барон становился для него просто спутником, добрым, веселым и умным, виконт очень желал доехать вместе с ним до Парижа. Поэтому он или не считал нужным принимать меры осторожности, или не хотел расстаться с Помпеем и остаться один на большой дороге, но только он послал Помпея готовить квартиру.

В Жоне приехали ночью, лил проливной дождь. По счастью, одну комнату топили. Виконт, желая тотчас переменить платье, занял ее и приказал Помпею занять другую комнату для барона.

– Это дело уж кончено, – сказал эгоист Помпей, очень хотевший заснуть поскорее, – хозяйка гостиницы обещала заняться.

– Хорошо. Где мой ящик?

– Вот он.

– Мои флаконы?

– Вот они.

– Где ты ляжешь, Помпей?

– В конце коридора.

– А если мне понадобится позвать тебя?

– Вот колокольчик. Трактирщица тотчас явится.

– Хорошо. Дверь запирается крепко?

– Сами извольте видеть.

- Нет задвижки!
- Есть замок.
- Хорошо. Я запрю отсюда. В эту комнату нет другого входа?
- Кажется, нет.
- Помпей взял свечку и осмотрел комнату.
- Посмотри, крепки ли ставки?
- Крепки, с крючками.
- Хорошо. Прощай, Помпей.

Помпей вышел.

Виконт запер комнату.

Через час Касторин, который прежде приехал в гостиницу и поместился в комнате возле Помпея (чего Помпей вовсе не подозревал), вышел на цыпочках и отворил дверь Канолью.

Каноль, дрожа от нетерпения, пробрался в гостиницу, заставив Касторина запереть дверь. Велел показать себе комнату виконта и пошел в свою.

Виконт ложился в постель, когда услышал шаги в коридоре. Виконт, как мы уже заметили, боялся всего. Поэтому он вздрогнул, услышав шаги, и начал прислушиваться внимательно.

Шаги замолкли перед дверью.

Потом кто-то постучался в дверь.

– Кто там? – спросил виконт таким испуганным голосом, что Каноль не узнал бы его, если бы не изучил его во всех его видоизменениях.

– Я, – отвечал Каноль.

– Как, вы? – отвечал голос, выражая явный ужас.

– Да, я. Представьте, виконт, что во всей гостинице нет ни одной свободной комнаты, все занято. Ваш глупый Помпей вовсе забыл обо мне. Во всем селении нет другой гостиницы, а в вашей комнате стоят две кровати...

Виконт с невыразимым ужасом взглянул на две кровати, стоявшие в его комнате рядом, их разделял только стол.

– Вы понимаете, – продолжал Каноль, – я пришел просить у вас ночлега, сделайте одолжение, отворите скорее, или я умру от холода.

Тут в комнате виконта послышался страшный стук, шорох платья и быстрые шаги.

– Хорошо, сейчас, барон, – кричал виконт совершенно изменившимся голосом, – позвольте, сейчас, через минуту отопру!

– Я подожду, но сделайте милость, друг мой, отоприте скорей, если не хотите, чтобы я замерз.

– Извините, но я ведь уже спал.

– Ба, а мне показалось, что у вас огонь...

– Нет, вы ошиблись.

Огонь тотчас погасили.

Каноль не жалел об этом.

– Я ищу, но никак не могу найти двери, – сказал виконт.

– Я в этом не сомневаюсь, – отвечал Каноль. – Так должно быть, я слышу ваш голос на другом конце комнаты... Сюда, сюда.

– Постойте, я ищу колокольчик... Хочу позвать Помпея.

– Помпей на том конце коридора и не услышит вас. Я хотел разбудить его, но никак не мог. Он спит, как убитый.

– Так я позову трактирщицу.

– Нельзя, трактирщица уступила свою постель какому-то путешественнику и отправилась спать на чердак. Стало быть, никто не придет, друг мой. Притом же зачем звать людей? Мне не нужно никого.

– Но как же быть?

– Вы откройте мне дверь, я поблагодарю вас, потом я ощупью найду кровать, лягу спать, и все будет кончено. Откройте же, прошу вас.

– Но, – возразил виконт в отчаянии, – верно, есть какие-нибудь другие комнаты, хоть бы даже без кроватей. Не может быть, чтобы не было другой комнаты. Позовем людей, поищем...

– Но, любезный виконт, пробило одиннадцать часов. Вы поднимете на ноги всю гостиницу, подумают, что у вас пожар. После этой суматохи мы не заснем всю ночь, а это будет очень жалко, потому что я едва держусь на ногах, так мне хочется спать!

Эти последние слова несколько успокоили виконта. Легкие шаги раздались у двери.

Дверь открылась.

Каноль вошел и запер за собою дверь.

Виконт, отперев дверь, поспешил отбежать от нее.

Барон увидел себя в комнате, почти темной, потому что последние уголья в камине потухли. Атмосфера была теплая и наполнена всеми благоуханиями, которые показывают крайнюю заботливость о туалете.

– Покорно вас благодарю, виконт, – сказал Каноль, – признаюсь, здесь гораздо лучше, чем в коридоре.

– Вам хочется спать? – спросил виконт.

– Разумеется. Укажите мне мою постель, ведь вы знаете комнату, или позвольте мне зажечь свечку.

– Нет-нет, не нужно! – вскричал виконт. – Ваша постель здесь, налево.

Конечно, левая сторона виконта приходилась на правой стороне барона, барон пошел направо, наткнулся на окно, возле окна встретился со столом, а на столе ощупал колокольчик, который виконт искал так старательно. На всякий случай Каноль положил колокольчик в карман.

– Да что же вы мне говорите, виконт? – сказал он. – Мы, верно, играем в жмурки? Но чего ищете вы там впотьмах?

– Ищу колокольчик... Позвать Помпея.

– Да зачем он вам?

– Я хочу, чтобы он приготовил постель.

– Кому?

– Себе.

– Ему постель! Что вы такое рассказываете, виконт? Лакей будет спать в вашей комнате! Вы точно трусливая девочка! Фи! Ведь мы не дети и сами можем защитить себя в случае нужды. Нет, дайте мне только одну руку и доведите меня только до постели, которую я никак не мог найти... Или, лучше всего... позвольте зажечь свечку.

– Нет! Нет! Нет! – вскричал виконт.

– Если вы не хотите дать мне руку, так по крайней мере дали бы мне какую-нибудь путеводную нить, ведь я здесь точно как в лабиринте.

Барон пошел, протянув руки вперед, к тому месту, откуда раздавался голос виконта, но мимо него пролетела какая-то тень и пронеслось благоухание. Он свел руки, но, подобно виргилиевскому Орфею, обнял только воздух.

– Тут! Тут! – сказал виконт из другого угла комнаты. – Вы перед вашей постелью, барон.

– Которая из двух моя?

– Берите какую угодно, я не лягу.

– Как! Вы не хотите спать? – спросил Каноль, оборачиваясь при этом неосторожном слове. – Так что же вы намерены делать?

– Посажу на стуле.

– Что вы! – вскричал Каноль. – Разве я позволю вам так ребячиться. Извольте ложиться спать.

Каноль при последней вспышке угольев в камине увидел, что виконт стоит в углу между окном и комодом и закрывается плащом.

Свет камина блеснул на минуту, но и этого было довольно. Виконт понял, что ему нет спасения. Каноль пошел прямо к нему, и хотя в комнате стало темно по-прежнему, но бедный виконт ясно видел, что нельзя уйти от преследователя.

– Барон, барон, – шептал виконт, – остановитесь, умоляю вас! Барон, не сходите с места, стойте там, где вы теперь! Ни шагу вперед, если вы дворянин!

Каноль остановился. Виконт стоял так близко от него, что он слышал биение его сердца и чувствовал его теплое дыхание, в то же время барона обдало благоуханием невыразимым, необъяснимым, тем благоуханием, которое всегда сопровождает молодость и красоту.

Барон простоял с минуту на одном месте, простирая руки к тем рукам, которые уже отталкивали его. Он видел, что ему остается сделать один шаг, чтобы стоять возле прелестного создания, которым он столько восхищался в продолжение двух дней.

– Сжальтесь, сжальтесь! – прошептал виконт голосом, в котором нежность смешивалась с трепетом. – Сжальтесь надо мною!

Голос замер на его устах. Он стал на колени.

Барон перевел дух, в голосе слышались ему звуки, показывавшие, что победа на его стороне.

Он сделал шаг вперед, протянул руки и встретил две сложенные, умоляющие ручки. Тотчас послышался не крик, а болезненный, печальный, грустный вздох.

В ту же минуту под окном раздался конский топот, сильные удары посыпались в дверь гостиницы, за ударами послышались крики. Кто-то стучал и кричал.

– Здесь ли барон? – закричал голос за дверью.

– О, я спасен! – вскрикнул виконт.

– Черт возьми этого дурака! – пробормотал Каноль. – Не мог он прийти завтра?

– Барон Каноль! Барон Каноль! – кричал голос за дверью. – Барон Каноль! Мне непременно нужно переговорить с вами сейчас же!

– Ну что такое? – спросил барон, подходя к двери.

– Вас спрашивают, сударь, – отвечал Касторин из-за двери, – вас ищут.

– Да кто ищет?

– Курьер.

– От кого?

– От герцога д'Эпернона.

– Зачем?

– По королевским делам.

При этом магическом слове, которому нельзя было не повиноваться, Каноль с досадой отворил дверь и пошел с лестницы.

Можно было слышать, как храпел Помпей.

Курьер между тем вошел в гостиницу и ждал в зале.

Каноль вышел к нему и, бледнея, прочел письмо Наноны.

Читатель уже догадался, что курьер был Куртово, который уехал часов на десять позже Каноль и при всем своем усердии мог догнать его не прежде, как на втором этапе.

Каноль предложил курьеру несколько вопросов и убедился, что непременно нужно спешить с доставкой депеши. Он во второй раз прочел письмо Наноны, и окончание его, где она

называет себя сестрою барона, заставило его понять все, что случилось, то есть что госпожа Лартиг выпуталась из дела, выдав Каноль за своего брата.

Каноль несколько раз слышал, как Нанона говорила не в очень лестных выражениях об этом брате, место которого он теперь занимал. Это еще более увеличило досаду, с которою он принял поручение герцога д'Эпернона.

– Хорошо, – сказал он удивленному Куртово, не открывая ему кредита в гостинице и не вручая ему своего кошелька, что он непременно сделал бы во всяком другом случае. – Хорошо, скажи своему господину, что ты успел догнать меня и что я тотчас повиновался его приказаниям.

– А что прикажете сказать госпоже Лартиг?

– Скажи ей, что брат ее ценит чувство, по которому она действовала, и много обязан ей. Касторин, седлай лошадей!

И не сказав более ни слова посланному, который стоял в изумлении от такого грубого приема, Каноль пошел наверх, где нашел виконта, бледного, трепещущего и уже одетого. Молодой человек следил за его взглядом с чувством стыдливости и весь покраснел.

– Будьте довольны, виконт, – сказал Каноль. – Теперь вы избавитесь от меня на все остальное время вашего путешествия. Я сейчас еду на почтовых по королевским делам.

– Когда вы едете? – спросил виконт голосом, еще не совсем твердым.

– Сейчас, я еду в Мант, где теперь, по-видимому, находится двор.

– Прощайте! – едва мог отвечать молодой человек и опустил в кресло, не смея поднять глаз на своего товарища.

Каноль подошел к нему.

– Я уже, верно, не увижусь больше с вами! – сказал он дрожащим голосом.

– Почему знать? – отвечал виконт, стараясь улыбнуться.

– Дайте одно обещание человеку, который вечно будет помнить вас, – сказал Каноль, положив руку на сердце, таким сладким и нежным голосом, что нельзя было сомневаться в его искренности и любви.

– Какое?

– Что вы будете иногда обо мне думать.

– Обещаю.

– Без... гнева?

– Извольте!

– А где доказательство? – спросил Каноль.

Виконт подал ему руку.

Каноль взял дрожавшую ручку с намерением только пожать ее, но невольно с жаром прижал ее к губам и выбежал из комнаты как безумный, прошептав:

– Ах, Нанона! Неужели ты когда-нибудь можешь вознаградить меня за то, что я теперь теряю.

XI

Теперь, если мы последуем за принцессами Конде в место изгнания их, в Шантильи, о котором Ришон говорил барону Канолу с таким отвращением, вот что мы увидим.

На аллеях под красивыми каштановыми деревьями, усыпанными, как снегом, белыми цветами, на зеленых лугах, лежащих около синих прудов, гуляет беспрестанно толпа, смеется, разговаривает и поет. Кое-где в высокой траве являются фигуры людей, любящих чтение, фигуры, утопающие в зелени, из которой выглядывают только чистенькие книжки – «Клеопатра» Вальпренеда, «Астрея» д'Юрже или «Великий Кир» девицы Скюдери. В беседках из роз и жасминов раздаются звуки лютни и невидимых голосов. Наконец по большой аллее, которая ведет к замку, иногда несется с быстротою молнии всадник, доставляющий какое-нибудь приказание.

В это самое время на террасе три дамы, одетые в шелковые платья, с молчаливыми и почтительными шталмейстерами медленно прогуливаются с надменностью и величием.

В середине группы самая старшая дама лет пятидесяти семи важно рассуждает о государственных делах. Направо высокая молодая женщина с важным видом слушает, нахмутив брови, ученую теорию своей соседки. Налево другая старуха, менее всех знаменитая, говорит, слушает и размышляет одновременно.

В середине группы находится вдовствующая принцесса Конде, мать того Конде, который остался победителем при Локруа, Нордлингене и Лане, которого начинают с тех пор, как его гонят, называть *Великим*, именем, которое будет оставлено за ним потомством. Эта принцесса, в которой можно еще видеть красавицу, пленившую Генриха IV, недавно еще была поражена и как мать, и как гордая женщина, одним итальянским *facchino*, которого звали Мазарини, когда он был слугою у кардинала Бентивольо, и которого зовут теперь кардиналом Мазарини – с тех пор, как он подружился с Анною Австрийскою и стал первым министром Франции.

Он-то осмелился посадить великого Конде в тюрьму и сослать в Шантильи мать и жену благородного пленника.

Другая дама, помоложе, – Клара Клеменция де Малье, принцесса Конде, которую по тогдашней аристократической привычке называли просто принцессой. Она всегда была горда, но с тех пор, как ее стали преследовать, ее гордость еще возросла, и принцесса стала надменною. С тех пор как Конде в тюрьме, она стала героиней; стала жальче вдовы, а сын ее, герцог Энгиенский, которому скоро будет семь лет, возбуждает сострадание более всякого сироты. На нее все смотрят, и если бы она не боялась насмешек, то надела бы траур. С той минуты, как Анна Австрийская отправила обеих принцесс в ссылку, пронзительные крики их превратились в глухие угрозы: из угнетенных они скоро превратятся в непокорных. У принцессы, у этого Фемистокла в чепце, есть свой Мильтиад в юбке, и успехи герцогини Лонгвиль, несколько времени владевшей Парижем, мешают ей спать.

Дама с левой стороны – маркиза Турвиль, она не смеет писать романов, но сочиняет в политике. Она не сражалась лично, как храбрый Помпей, и подобно ему не получала раны в битве при Корбии, зато муж ее, довольно уважаемый полководец, был ранен при Ла-Рошели и убит при Фрибуре. Получив в наследство его родовое имение, маркиза Турвиль воображала, что в то же время получила в наследство его военный гений. С тех пор как она приехала к принцессам в Шантильи, она составила уже три плана кампании, которые поочередно возбуждали восторг в придворных дамах и были не то что брошены, а, так сказать, отложены до той минуты, когда обнажат шпагу и бросят ножны. Маркиза Турвиль не смеет надеть мундир мужа, хотя ей очень хочется этого; но его меч висит в ее комнате над изголовьем ее постели, и иногда, когда маркиза бывает одна, она вынимает его из ножен с самым воинственным видом.

Шантильи, несмотря на свою внешность, может быть, в самом-то деле огромная казарма, если поискать хорошенько, то найдешь там порох в погребках и штыки в чаше деревьев.

Все три дамы во время печальной прогулки при каждом повороте подходят к главным воротам и, кажется, поджидают появления какого-то важного посланного; уже несколько раз вдовствующая принцесса сказала, покачивая головою и вздыхая:

– Нам не будет удачи, дочь моя, мы только осраим себя.

– Надобно хоть чем-нибудь платить за великую славу, – возразила маркиза Турвиль со своим обычным неприятным выражением. – Нет победы без борьбы!

– Если нам не удастся, если мы будем побеждены, – сказала молодая принцесса, – мы отомстим за себя.

– Никто ничего не пишет нам, – продолжала вдовствующая принцесса, – ни Тюрен, ни Ларошфуко, ни Бульон! Все замолкли разом!

– Нет и денег! – прибавила маркиза Турвиль.

– И на кого надеяться, – сказала принцесса, – если даже Клара забыла нас?

– Да кто же сказал вам, дочь моя, что виконтесса де Канб забыла вас?

– Она не едет!

– Может быть, ее задержали; на всех дорогах рассеяна армия господина де Сент-Эньяна, вы сами это знаете.

– Так она могла бы написать.

– Как может доверить она бумаге такую важную тайну: переход такого большого города, как Бордо, на сторону принцев!.. Нет, не это беспокоит меня более всего.

– Притом же, – прибавила маркиза, – в одном из трех планов, которые я имела счастье представить на рассмотрение вашего высочества, предполагалось возмутить всю Гиенну.

– Да, да, и мы воспользуемся им, если будет нужно, – отвечала принцесса. – Но я соглашаюсь с мнением матушки и начинаю думать, что с Кларой что-нибудь случилось, иначе она была бы уже здесь. Может быть, ее фермеры не сдержали слова, эти дрянные люди всегда пользуются случаем не платить денег, иногда случай представляется сам собою. Притом как знать, что сделали гиеннцы, несмотря на все свои обещания?.. Ведь они гасконцы!

– Болтуны! – прибавила маркиза Турвиль. – Лично они очень храбры, это правда, но предурные солдаты, годные только на то, чтобы кричать «Да здравствует принц!», когда они боятся испанца...

– Однако же они очень ненавидели герцога д'Эпернона, – сказала вдовствующая принцесса. – Они повесили портрет его в Ажане и обещали повесить его особу в Бордо, если он туда воротится.

– А он, верно, воротился и повесил их самих, – возразила принцесса с досадой.

– И во всем этом виноват, – прибавила маркиза, – господин Лене, этот упрямый советник, которого вам непременно угодно держать при себе, а он только мешает исполнению наших намерений. Если бы он не отвергнул второго моего плана, который имел целью, как вы изволите помнить, внезапное занятие замка Вера, острова Сен-Жоржа и крепости Бле, то мы держали бы теперь Бордо в осаде и город принужден был бы сдаться.

– А по-моему, не вопреки мнению их высочеств, будет гораздо лучше, если Бордо сам отдаст себя в наше распоряжение, – сказал за маркизою Турвиль голос, в котором уважение смешивалось с иронией. – Город, сдающийся на капитуляцию, уступает мне и ничем не обязывает себя. Город, который отдается добровольно, должен поневоле быть верным до конца тому, на чью сторону перешел.

Все три дамы обернулись и увидели Пьера Лене, который подошел к ним сзади, когда они шли к главным воротам.

Слова маркизы Турвиль были отчасти справедливы. Пьер Лене, советник принца Конде, человек холодный, ученый и серьезный, получил от заключенного принца поручение наблю-

дать за друзьями и врагами. И надобно признаться, ему было труднее удерживать безрассудное усердие приверженцев принца, чем отражать злые замыслы врагов его. Но он был ловок и предусмотрителен, как адвокат, привык к приказным крючкам и хитростям. Он обыкновенно побеждал их каким-нибудь ловким обманом или своею непоколебимою твердостью.

Впрочем, лучшие и упорнейшие битвы приходилось ему выдерживать в самом Шантильи. Самолюбие маркизы Турвиль, нетерпение принцессы равнялось с хитростью Мазарини, с хитростью и с нерешительностью парламента.

Лене, которому принцы поручили всю корреспонденцию, принял за правило сообщать принцессам новости только в необходимое время и назначил себя самого судьей этой необходимости. Несколько планов Лене были выболтаны друзьями его врагам, потому что женская дипломатия не всегда основана на тайне, на первейшем правиле дипломатии мужчин.

Обе принцессы, признававшие усердие и особенно пользу Пьера Лене, несмотря на частые его противоречия, встретили советника дружеским жестом. На устах старушки показалась даже улыбка.

– Ну, любезный Лене, – сказала она, – вы слушали, маркиза Турвиль жаловалась или, лучше сказать, жалела о нас: все идет у нас хуже и хуже... Ах! Наши дела, любезный Лене, наши дела!

– Обстоятельства представляются мне не такими мрачными, как кажутся вашему высочеству, – отвечал Лене. – Я очень надеюсь на время и на изменение счастья. Вы изволите знать поговорку: «Кто умеет ждать, тому все приходит вовремя».

– Время, перемена счастья – все это философия, Лене, а не политика, – сказала принцесса.

Лене улыбнулся.

– Философия всегда и везде полезна, – отвечал он, – и особенно в политике. Она научает не гордиться при успехе и не падать духом в бедствии.

– Все равно, – возразила маркиза Турвиль, – по-моему, лучше бы видеть курьера, чем слушать ваши истины. Не так ли, ваше высочество?

– Да, согласна.

– Так, ваше высочество, будете довольны, потому что увидите сегодня трех посланных, – сказал Пьер Лене с прежним хладнокровием.

– Как? Трех!

– Точно так, ваше высочество. Первого видели на дороге из Бордо, второй едет от Стене, а третий от Ларошфуко.

Обе принцессы вскрикнули от радостного удивления. Маркиза закусила губы.

– Мне кажется, любезный господин Лене, – сказала она с ужимками, желая скрыть досаду и позолотить колкие слова свои, – такой искусный колдун, как вы, не должен останавливаться на половине пути. Сказав нам, что курьеры скачут, он должен бы в то же время рассказать нам, что содержится в депешах.

– Мое колдовство, – скромно отвечал он, – не простирается так далеко и ограничивается желанием служить усердно. Я докладываю, но не угадываю.

В ту же минуту (как будто какой дух служил Пьеру Лене) показались два всадника, скакавшие около решетки сада. Тотчас толпа любопытных, оставив цветники и луга, бросилась к решеткам, чтобы получить свою долю новостей.

Оба всадника сошли с лошадей. Первый, бросив поводья лошади второму, который оказался его лакеем, подбежал к принцессам, шедшим к нему навстречу.

– Клара! – вскричала принцесса.

– Да, я, ваше высочество, позвольте поцеловать вашу руку.

Упав на колени, он хотел почтительно взять руку супруги Конде.

– Нет! Нет! В мои объятия, милая виконтесса! В мои объятия! – воскликнула принцесса, поднимая Клару.

Когда принцесса расцеловала всадника, он с величайшим почтением повернулся к вдовствующей принцессе и низко поклонился ей.

– Говорите скорей, милая Клара, – сказала она.

– Да, говори, – прибавила принцесса Конде. – Виделась ли ты с Ришоном?

– Виделась, и он дал мне поручение к вашему высочеству.

– Приятное?

– Сама не знаю, всего два слова.

– Что такое? Скорей, скорей!

Самое живое любопытство выразилось на лицах обеих принцесс.

– Бордо – да! – произнесла Клара со смущением, не зная, какое действие произведут слова ее.

Но она скоро успокоилась: на эти два слова принцессы отвечали радостным криком. Услышав его, Лене тотчас прибежал.

– Лене! Лене! Подите сюда! – кричала молодая принцесса. – Вы не знаете, какую новость привезла нам наша добрая Клара?

– Знаю, – отвечал Лене улыбаясь, – знаю. Вот почему я не спешил сюда.

– Как! Вы знали?

– Бордо – да! Не правда ли, вот ответ? – сказал Лене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.